1967
Пятидесятый год Великой Октябрьской социалистической революции
МАРТ
12
ВОСКРЕСЕНЬЕ

На выборы!

ОГОНЁК

№ 11 МАРТ 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

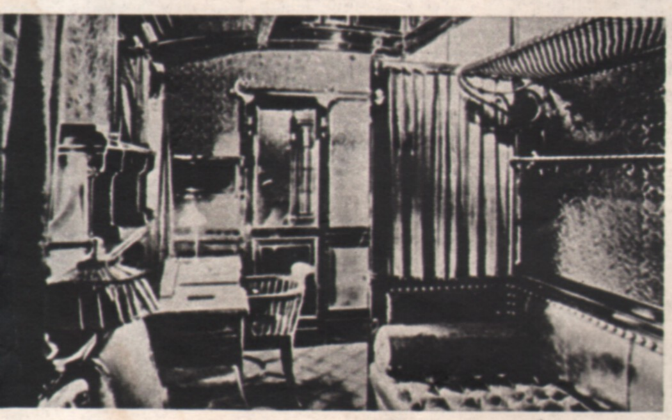
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ПРОЗВУЧАЛ ПРИЗЫВ ПАРТИИ: «ВСЕ НА БОРЬБУ! К ОТКРЫТОЙ БОРЬБЕ С ЦАРСКОЙ ВЛАСТЬЮ...»

Февраль—март 1917 года. Баррикады в Петрограде, на Литейном проспекте.

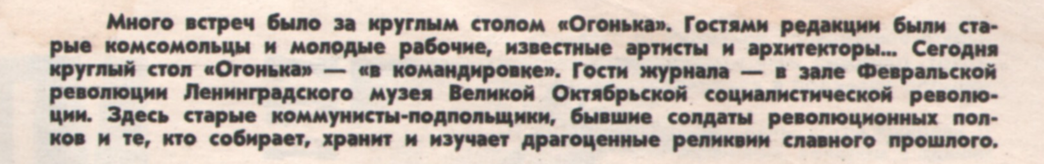

Сожжение царских гербов.

Вагон, в котором Николай II отрекся от престола.

КРУШЕНИЕ ОРЛА

Много встреч было за круглым столом «Огонька». Гостями редакции были старые комсомольцы и молодые рабочие, известные артисты и архитекторы... Сегодня круглый стол «Огонька» — «в командировке». Гости журнала — в зале Февральской революции Ленинградского музея Великой Октябрьской социалистической революции. Здесь старые коммунисты-подпольщики, бывшие солдаты революционных полков и те, кто собирает, хранит и изучает драгоценные реликвии славного прошлого.

На столе фотографии полувековой давности. Наши гости внимательно рассматривают их. Вспоминают взбудораженный Петроград тех дней, словно вновь идут по улицам, заполненным людьми в солдатских шинелях и рабочих тужурках. Баррикады на Литейном. Митинги на площадях у Казанского собора и Николаевского вокзала. Вон сбрасывают царские гербы с фронтонов зданий... Исторические дни. Незабываемые события. Те, кто сидит сегодня за круглым столом «Огонька», помнят все это.

Рассказывает Мария Георгиевна Павлова:

— В разгар всеобщей политической забастовки — это было 25 февраля — мы с мужем участвовали в демонстрации рабочих Выборгского бюро ЦК РСДРП.

Домой мы вернулись поздно. Жили мы в то время на Сердобольской улице. Наша квартира была местом подпольной явки членов Русского Бюро ЦК РСДРП.

Работники Бюро ЦК доверяли мне хранить партийную печать. Я прятала ее в клубке тонкого шпагата. В целях конспирации таких клубков у меня было несколько. В тайнике, вделанном в небольшой шахматный столик, был спрятан текущий архив Бюро ЦК.

Помню, как Бюро ЦК готовило Манифест с призывом продолжать вооруженную борьбу против царизма, создать временное революционное правительство. Когда текст этого документа отредактировали, было решено заверить его печатью ЦК.

Я вышла в коридор, принесла клубок со шпагатом и положила на стол. Товарищи не знали, что я прятала печать в этом клубке, и немало были удивлены.

Рассказ М. Г. Павловой продолжает бывший токарь завода «Старый Лесснер», член Выборгского райкома партии, коммунист с 1907 года Н. Ф. Свешников:

— Теперь, когда Манифест стал официальным документом, его надо было распространить. Иду в условленное место, в Новую деревню, чтобы передать Манифест Ивану Жукову для напечатания. По дороге вижу, как бурлит улица, горит окружной суд, толпа движется к тюрьме, слышны выстрелы, гул, крики «ура». Прихожу к Жукову, а его дома нет. Позже выяснилось, что он был занят в бронедивизионе, выводил машины на штурм тюрем. Вечером пошел в Бюро ЦК, а там уже обосновался какой-то склад оружия. На улице много вооруженных рабочих, хотя винтовки еще прячут под пальто. Манифест я отдал Мите Павлову, и он отправил его в типографию. В виде листовки Манифест распространили среди рабочих и солдат, а 28 февраля опубликовали его в первом номере газеты «Известия» Петроградского Совета.

Слово — бывшему солдату Павловского полка К. И. Ржевутскому:

— Видно было по всему, что часы самодержавия сочтены. Войска все сочувственнее относились к восставшим рабочим. Солдаты 4-й роты нашего гвардейского полка отказались стрелять в рабочих и открыли на Екатерининском канале огонь по конным жандармам. В этой схватке павловцы показали себя мужественными революционерами. Они забаррикадировались в казарме и отбивались до последнего патрона. Но силы оказались неравные. Девятнадцать павловцев были арестованы и отправлены в казематы Петропавловской крепости. В музее я видел их фотографии. Бесценные реликвии...

— А вот еще одна реликвия, связанная с теми же событиями...— **говорит заведующая фондами музея А. А. Богданова и показывает знамя.**— Это подарок рабочих-путиловцев солдатам-павловцам. В знак дружбы и боевой солидарности...

На красном полотнище золотом вышиты фигуры рабочего и солдата. И слова: «Да здравствует социализм». Чуть ниже: «И у смерти, у жизни учись не бояться ни жизни, ни смерти». Под этим знаменем павловцы потом шли на штурм Зимнего дворца.

Восстание павловцев всколыхнуло и другие воинские части. Не прошло и суток, как на сторону рабочих перешел весь Волынский полк. Двое из этого полка — А. И. Юхарев и С. Т. Лебедев — за круглым столом «Огонька». Оба они за участие в революции награждены именными знаками, которые были отчеканены на Монетном дворе. Один из этих знаков, на котором выгравирована фамилия Юхарева, хранится в музее.

— Вслед за нами, волынцами,— **рассказывает бывший пулеметчик С. Т. Лебедев,**— на сторону рабочих перешли солдаты Литовского, Преображенского и других полков. Кстати, к восставшим солдатам присоединилась и Военно-автомобильная школа, в которой служил Владимир Маяковский.

Поэт вместе с бойцами арестовывал командира и потом ненадолго принял на себя командование. Позже Маяковский написал:

Это первый день рабочего потопа.
Идем
запутавшемуся миру на выручку!..
Горе двуглавому!
Пенится пенье.
Пьянит толпу.
Площади плещут.

Выборжцы захватили в свои руки Финляндский вокзал. Весь Петроград в баррикадах. Рабочие занимают мосты и вокзалы. Все ближе подходят к Зимнему и Адмиралтейству. Пылают окутываемые дымом полицейские участки. Начались аресты министров. Весь город в руках восставших. Большевики вышли из подполья.

Репортаж вел К. ЧЕРЕВКОВ.

Снимают царский герб.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 11 (2072)

12 МАРТА 1967

45-й год издания

КРУШЕНИЕ ОРЛА

ПЕРЕД РЕ
СРАЖЕН

М. Л. СУЛИМОВА,
член КПСС с 1905 года

Как начиналась Февральская революция в России? На этот вопрос ответить не так-то легко, хотя все события тех дней цепко держит память и проходили они, можно сказать, на моих глазах. Недовольство войной, бесправием и невыносимыми условиями жизни в народе назревало постепенно. Уже 1916 год был полон бурных потрясений и развернутой подготовки к решающей схватке с царизмом. К январю этого года почти на всех фабриках и заводах в стачечных комитетах руководство взяли на себя большевики. Возглавлялись нами и другие рабочие организации — продовольственные комиссии, больничные кассы, страховой совет... Наш Петербургский комитет большевиков готовился к вооруженному восстанию: еще в мае 1916 года рабочим раздавали оружие, патроны.

В октябре на фабриках и заводах пронеслась волна антивоенных митингов. Особенно горячо проходили они на Выборгской стороне.

Царская охранка знала о существовании Петербургского комитета — сокращенно ПК(б). С помощью провокаторов ей удавалось порой застигнуть врасплох руководящих работников. Аресты были довольно частым явлением. В декабре 1916 года полицейские разгромили три наши подпольные типографии, два нелегальных паспортных бюро. Потом еще две типографии: в одну из них полиция нагрянула во время печатания нелегальных документов, в другую — когда печаталась газета «Пролетарский Голос» — орган ПК(б).

Ну а если все-таки и называть сравнительно точную дату, то, пожалуй, следует остановиться на 9 января 1917 года. И вот почему. В тот день, когда отмечалась двенадцатая годовщина Кровавого воскресенья, Владимир Ильич Ленин в Народном доме города Цюриха сделал доклад на собрании швейцарской рабочей молодежи о революции 1905 года. И там он сказал, что в ближайшем будущем в связи с хищнической войной в Европе народ под руководством пролетариата поднимется против власти финансового капитала, крупных банков и капиталистов. И потрясения эти непременно закончатся победой социализма.

Интересно, что именно в тот же день начались стачки, митинги и демонстрации в Петрограде, Москве, Баку, Нижнем Новгороде и других крупных рабочих центрах.

В забастовку втягивались все новые и новые заводы, фабрики. Первыми выступали рабочие тех предприятий, где было сильней большевистское влияние.

14 февраля обстановка настолько накалилась, что ПК(б) выпустил листовку с призывом: «Настало время открытой борьбы!». 18 февраля забастовал крупнейший в стране Путиловский завод. 23 февраля (8 марта), в Международный женский день, на демонстрацию вышли работницы Петрограда. «Верните наших сыновей и мужей с фронта! Хлеба!» — требовали они. 24 февраля в Питере бастовало уже более двухсот тысяч рабочих, а 25 февраля забастовка перешла во всеобщую политическую стачку под лозунгами: «Долой войну!», «Долой царя!», «Хлеба!». Петербургский комитет в листовках призывал рабочих к свержению самодержавия. Бюро Центрального Комитета партии приняло решение овладеть начинавшимся движением и организовать братание рабочих с солдатами.

В казармы отправились наши большевистские агитаторы, повсюду возникали митинги. Помню, что один из таких митингов среди солдат пулеметной команды проходил на Петрозаводской улице в... бане. Несмотря на столь необычное для агитационной работы место, цель была достигнута. Солдаты постановили: не стрелять в народ!

Царь, «осердясь», прислал ночью из Ставки телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки». С таким же успехом он бы мог повелеть выселить бунтовщиков на Луну: река народного гнева вышла из берегов, и не существовало никаких плотин, чтобы остановить ее могучий разлив.

26 февраля всеобщая стачка переросла в вооруженное восстание. К этому призвал рабочих Выборгский райком совместно с представителями ЦК партии. Главная задача — вооружиться. Чтобы добыть оружие, нужно было захватить склады, разоружить полицию. Город гудел, как гигантский растревоженный улей. По улицам шныряли военные патрули, юнкера оцепили набережные, городовые перекрыли все проходы, ведущие к центру столицы. Но на них со всех сторон наседали бесконечные людские потоки. Большевистская агитация уже давала свои первые плоды: солдаты хотя еще в массе и не решались переходить на сторону восставших, но почти повсеместно стреляли в воздух. Городовые же продолжали безжалостно палить в людей. К вечеру им удалось очистить от народа центральную часть города, но заводские районы прочно удерживались рабочими.

27 февраля в Петрограде каждый час приносил все новые и новые радостные вести. Одна за другой переходили на сторону рабочих воинские части. Приступом был взят арсенал, в руки восставших попало сорок тысяч винтовок и тридцать тысяч револьверов. Начались аресты царских министров и генералов. В го-

---

Ник. КРУЖКОВ

МАРТ — МЕСЯЦ ВЕСЕННИЙ

Утро не предвещало ничего удивительного в этот день. Отец, как всегда, ушел на службу, мать возилась по хозяйству, сестра — самая старательная первоклашка на свете,— тряся тощей косичкой, спозаранку убежала в приготовительную школу, младший брат катался на салазках, восторженно вопя на весь двор. Я был полон тревожных предчувствий: вместо того чтоб «точить» окаянную тригонометрию, весь вечер читал Александра Дюма «Викóнт де Бражелóн или десять лет спустя». Вместо определений тангенсов и котангенсов в мозгу моем мелькали шпаги, плащи, маркизы, виконты, прекрасные дамы, дуэли благородных дворян. Жирная единица строгого математика в гимназическом журнале нависала надо мной в виде совершенно реальной угрозы.

Но удивительное началось с первого же перекрестка. Прежде всего не было городового. Старый усатый городовой, который, по моим представлениям, испокон веков стоял здесь, стойко перенося и летнюю жару и зимние метели, исчез, как будто его сдуло ветром. Через несколько минут в санях-розвальнях проехал мимо меня мужичок в армяке, с заиндевевшей бородой, крестясь широким крестом. Громко, на всю полупустую улицу, заваленную еще не тронутым весной снегом, он возглашал:

— Слава тебе, господи! Николашку свергли! Слава тебе, господи! Николашку свергли!

Что-то произошло. Неужто революция? Неужто именно этот крестьянин, ехавший, по всей видимости, с базара, стал для меня вестником происшедших разительных перемен? Прибавив шагу, почти бегом, я проворно направился к центру города. Оттуда доносился до моих ушей ровный гулкий шум, словно там бушевала морская волна. И у здания воинского присутствия я увидел огромную толпу. И шум, издалека услышанный мною, исходил именно от нее. Люди кричали, обнимались, целовали друг друга. И какие-то бумаги летели из окон. И кто-то, взобравшись на забор, произносил речь — какую, понять было невозможно. Доносились только отдельные слова: «Долой... проклятое самодержавие... революция... свобода... да здравствует». И красные флаги реяли над толпой, впервые увиденные мною красные флаги, узкие, длинные, как ленты: от царского флага гневной рукой отдирались белые и синие полотнища и оставлялись только красные.

Какая там, к чертям, тригонометрия и этот болван викóнт де Бражелóн!

В гимназию я пробрался с великим трудом: город закипел движением; солдаты, мастеровой народ, торговцы, приказчи-

ШАЮЩИМ
ИЕМ

роде ловили жандармов и городовых, отбирали оружие. Большевики были в первых рядах атакующих, они были в самой гуще событий — на заводах, в казармах. К концу дня на нашу сторону перешло уже около семидесяти тысяч солдат: сказалась настойчивая и упорная работа армейских большевиков.

...Весь день шли бои в разных районах города. К вечеру все ключевые позиции уже были в руках народа. Самодержавие пало. Кое-где, правда, царские приспешники еще яростно отбивались. Всю ночь не прекращалась стрельба на Петроградской стороне: рабочие вышибали полицейских, засевших с пулеметами на чердаках и колокольне.

Утром 28 февраля рабочие и солдаты ворвались в Петропавловскую крепость и освободили заключенных. В их числе были и девятнадцать солдат Павловского полка, посаженных накануне за отказ стрелять в народ. Это были последние узники царизма, томившиеся в крепости. По всему городу носились грузовики, в кузовах которых, ощетинившись штыками, стояли солдаты и рабочие. Они разбрасывали листовки, сообщавшие о создании Советов рабочих депутатов. Но стрельба еще долго не утихала: это подавлялись последние очаги сопротивления.

Все утро мой сын Женя засыпал меня вопросами:

— Где стреляют, кто стреляет, почему стреляют?

Я рассказала ему, кто стреляет и почему народ поднялся на революцию. И тогда он заявил:

— Хочу посмотреть, как стреляют, и увидеть революцию!

Я, конечно, предпочитала, чтобы он сидел дома, но мой муж, Сергей Николаевич Сулимов, профессиональный революционер, вернувшийся в эти дни из подполья, сказал:

— Пойди с ним, пусть посмотрит и запомнит. А то потом, когда вырастет, будет упрекать нас за то, что мы не дали ему стать свидетелем таких исторических событий.

И мы отправились в город. Каменноостровский проспект походил на красную реку: пламенели знамена, алели банты на груди людей, повсюду солдаты, вооруженные рабочие. Радостные лица, все поздравляют друг друга с победой. Вдруг раздались пулеметные очереди: недалеко от Ружейной полицейские открыли огонь с чердака, пытаясь разогнать толпу. Нам пришлось спрятаться в подъезде большого дома...

И вот 2 марта, в тот день, когда Николай II подписывал свое отречение, вечером в здании биржи на Кронверкском проспекте собрался на первое свое легальное заседание наш Петербургский комитет РСДРП(б). Протокол заседания было поручено вести мне. Я была горда этим, но страшно волновалась: ведь мы впервые почувствовали себя настоящими победителями. Однако борьба еще продолжалась. Это было видно и по нашим первым заседаниям. Состав комитета оказался довольно пестрым. Несмотря на выдвинутый большевиками-ленинцами лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству»,— комитет принял все же соглашательскую резолюцию: не противодействовать...

Жизнь показала правильность большевистского лозунга. В середине марта Ленин прислал из-за границы телеграмму, призывавшую не доверять Временному правительству, особенно Керенскому, и рассчитывать лишь на поддержку вооруженного народа. Даже находясь вдали от России, Владимир Ильич по отрывочным сведениям сумел точно оценить обстановку. Февральская революция уже не была классическим типом буржуазно-демократической революции, ибо наряду с буржуазным правительством возникли и Советы рабочих депутатов. Вот это двоевластие и было особенностью Февраля. Правда, Советы еще не были большевистскими, и это совершенно естественно. Ведь в то время, когда большевики работали нелегально, у ликвидаторов была свобода действий. Наиболее революционные рабочие находились на фронте, а ряды подпольщиков часто редели: бесконечные аресты. И еще одно обстоятельство: в то время, как большевики находились на самых трудных участках борьбы, в гуще восставшего народа, ликвидаторы устремились в Государственную думу захватывать кресла и портфели. Был момент и чисто психологический: всеобщее победное ликование внешне как бы стирало для многих людей партийные грани, казалось, пришел конец всем спорам, разногласиям, дискуссиям, фракциям... Так что для полной победы революции предстояло выиграть еще одну тяжелую классовую битву. И партия большевиков стала упорно и кропотливо готовиться к решающему сражению...

ки, чиновники — все перемешивались друг с другом, кто кричал «ура», кто крестился, кто плакал. Где-то рядом возникла и ширилась песня:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнув в борьбе...

И слово «товарищи» шелестело в толпе, передавалось из уст в уста, простое русское слово, приобретшее вдруг неожиданный смысл и необъятную широту.

В гимназии учеников младших классов немедленно распустили, и они с визгом убежали домой, старшеклассников собрали в рекреационном зале. Царского портрета уже не было, вместо него зияла пустотой огромная багетная золоченая рама. Вошел директор, все стихло, и он громко, внятно и кратко произнес:

— Господа! Произошла революция. Ваш долг — продолжать учение, чтобы быть полезными гражданами свободной, обновленной России. Сегодня занятий не будет. Расходитесь.

Несколько молодых голосов звонко выкрикнули:

— Да здравствует революция! Ура!

Грянуло «ура». Директор, снова обернувшись к нам, сказал:

— Да, господа! Да здравствует революция! — и поднес платок к глазам.

...Наконец-то прибыли долгожданные московские и петроградские газеты. Их не было почти неделю — раскупили мгновенно. Всюду происходило одно и то же: при ликовании всего народа рухнул царский строй, в пыль и прах рассыпался трехсотлетний дом Романовых. Царских министров вели под арест в Петропавловскую крепость. Повсеместно войска присоединялись к народу. Жандармов и городовых ловили, как крыс. Точки сопротивления «темных сил», как тогда именовали монархистов, решительно подавлялись. Буржуазия считала, что на этом все и окончилось. Председатель Государственной думы старик Родзянко в своей речи к солдатам 9-го запасного кавалерийского полка сказал: «Православные воины! Послушайте моего совета. Я старый человек и не стану вас обманывать: слушайте своих офицеров, они вас дурному не научат и будут распоряжаться в полном согласии с Думой. Да здравствует святая Русь!» В тот же день солдаты «собственного его величества конвоя» арестовали своих офицеров, продолжавших стоять за старую власть. Фельетонисты буржуазных газет изъяснялись возвышенно: «Пожар человеческого счастья светился в глазах у всех». Как о символе писали: «Рослая красивая барышня с красным флагом в руке и в автомобильном шлеме на прелестной головке стояла на грузовой машине». Одновременно с этим какой-то обожравшийся спекулянт из номера в номер печатал объявление: «Куплю особняк. Предпочтительно в районе Девичьего поля. Цена безразлична».

Царь отрекся от престола. За несколько дней до этого, находясь в Ставке, он получил письмо от императрицы из Царского Села: «Ника, все обожают тебя». О новых министрах писали умиленно. Особенно много комплиментов получал Милюков. Почтенный Павел Николаевич как бы в ответ на это в своей речи в Екатерининском зале без дальнейших обиняков сообщил: «Мы не можем оставить без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую и конституционную монархию». По соседству с речью Милюкова красовалась реклама: «Жюболь Шателена восстанавливает кишечник. М-ва. Петровский пассаж».

Московское духовенство запросило митрополита Макария, как теперь молиться, кого поминать, на что растерявшийся митрополит определенного ответа не дал, сказав: «Как хотите, так и молитесь». Впрочем, вскоре вышло решение: молиться «о велицей державе Российской и правительстве ея».

О событиях в нашей «богоспасаемой» Калуге газеты писали: «Весть о великом перевороте встречена населением города восторженно».

Губернатора Ченыкаева с поста удалили, власть в городе и губернии взял в свои руки общественный комитет, куда вошла часть гласных городской Думы во главе с городским головой Разумовским и председателем земской управы Челищевым. На постах вместо привычных городовых стояли молодые люди с повязкой на рукаве «Г. М.», что означало — «городская милиция». В городе распоряжались какие-то никому до того времени не известные поручики и прапорщики. Все они ходили с красными бантами необычайной величины. В местной газете «Голос Калуги» печатались воззвания к населению: «Общественный комитет приглашает все население Калуги и губернии немедленно перейти к нормальному, обыденному образу жизни. Нам нельзя заниматься уличными манифестациями. Не теряйте дорогого времени и не мешайте заниматься делом, которого у всех много». Особое внимание при этом уделялось молодежи, которая, по мнению комитета, должна была «быть примером и сохранять деловое спокойствие, воздерживаясь особенно от уличных манифестаций».

Но собирались все: купцы, приказчики, трактирщики, учителя, чиновники, булочники, са-

нитарные попечители, квартиронаниматели, домовладельцы, гимназисты и реалисты, рабочие железнодорожных мастерских, солдаты гарнизона.

В местной газете некто В. Русов опубликовал стихи под названием «Песня момента»:

Ты воспрянь и ободрися,
Наша славная страна,
Флаги красные взвилися,
Воля светлая дана.

Но песню эту никто не пел. Гремели и вздымались к небу на улицах города «Варшавянка», «Русская марсельеза», «Мы — кузнецы» — старшее поколение запомнило их еще с 1905 года.

А по утрам по-прежнему стояли очереди за хлебом у полупустых лавок. «Революционное» купечество норовило подальше запрятать свои немалые запасы в ожидании лучших времен и дальнейшего выгодного вздорожания. Впрочем, в городе говорили об одном помешавшемся купчине, который, тряся пачкой сотенных, кричал на всю улицу:

— Скоро будем стены оклеивать энтими бумажками!

Ему никто не верил, все смеялись, а купец-то был провидец.

На 12 марта назначили праздник Дня свободы. Программа была утверждена пышная: литургия с архиерейским служением, крестный ход при звоне колоколов, парад на Крестовом поле, шествие войск.

Военный комиссар, расторопный и, несомненно, наделенный энергическим слогом поручик Шеркунов по сему случаю издал приказ: «Прошу почтительно: 1) Не препятствовать проходу частей на парад и на плац-парадной площади. 2) Порядок среди присутствующих возлагается на публику. 3) При попытке со стороны представителей темных сил нарушить наше торжество и праздник свободного народа прошу означенных лиц задерживать. 4) Продающих для питья денатурат, его суррогаты, ханжу, самогонку и т. д. предупреждаю о тяжелой ответственности. Несколько из подобных коммерсантов отмечены. Прошу их поберечь себя. 5) Господа торговцы! Еще раз обращаюсь к вашим лучшим чувствам — не скрывайте свои запасы. Известно, что они есть и, к сожалению, большие. 6) Были случаи предложения взяток дежурным по городу офицерам и военным комиссарам в участках. Объяснять гадость подобных поступков нет смысла. На будущее время лица, предлагающие мзду, будут предаваться судьям!»

Днем свободы, по мнению его организаторов, все должно было бы быть и завершено. Что еще, в самом деле, надо?

Освобожденный Февральской революцией из тюрьмы старый большевик-калужанин Акимов в своих воспоминаниях написал: «Выйдя из тюрьмы, я в Калуге никого из прежних товарищей не нашел, хозяевами положения были кадеты и обыватели. И только позднее, когда в Калугу приехали из Иркутска Артемов и Сорокин, из Москвы Борисов и другие товарищи, когда здесь собралась небольшая, но тесно сплоченная, активная и дисциплинированная организация большевиков, началась действительно революционная работа и решительная борьба за низвержение власти буржуазии».

Март — месяц весенний. Пригревало еще робкое солнце, ледяные сосули свешивались с крыш, отливая серебром, но еще нерушимо стояли могучие сугробы, реки были покрыты толстым слоем синеватого льда. И не верилось, что совсем скоро грозное половодье разольется вширь без конца и края.

Революция только начиналась.

Март 1917—1967 годы.
Калуга—Москва.

ЭТО БЫЛО

В СЕМНАДЦАТОМ...

Это ветеран революции Андрей Алексеевич Косюков. Мы его встретили утром в прошлое воскресенье на Невском проспекте.

— Да, да, задержался. Ну сами посудите: разве смог я пройти мимо своей боевой юности! Очень здорово! Сказал даже про себя: «Да, все это было в семнадцатом».

Андрей Алексеевич Косюков любит бродить по Ленинграду утром. Делает он это каждый день. На сей раз прогулка затянулась. Дома переполошились: не случилось ли чего! Дома не знали, что в тот момент Андрея Алексеевича взяла в плотное кольцо молодежь у афишной тумбы.

— Это какой же генерал Хабалов!

— Царский, свергнутый народом с поста командующего в семнадцатом, — объясняет А. А. Косюков.

Афишная тумба, точно такая же, какие стояли в Петрограде полвека назад. Воззвания, афиши, фотографии, наклеенные на ней, все тоже полувековой давности.

— Смотрите, какое объявление,— говорит кто-то.— Слушайте. Вчера, 27 февраля, в столице образовался Совет рабочих депутатов... Трамвайное движение возобновляется... Граждане! Вносите аккуратно проездную плату. Или вот еще такое сообщение: зал Шереметева... Карнавал. Танцы до трех ночи...

Документы, афиши, фотографии на тумбах. Они связаны с Февральской революцией в Петрограде. Но пройдет некоторое время, и афиши расскажут ленинградцам об апрельских событиях семнадцатого года, о майских демонстрациях... Документы будут обновляться один-два раза в месяц.

Необычные эти деревянные тумбы появились в тех же местах, где они стояли полвека назад,— на Невском, у Московского вокзала, на Дворцовой и Исаакиевской площадях, у Смольного, Нарвских ворот и Финляндского вокзала. И сразу же привлекли всеобщее внимание.

К. ПЕТРОВ
Фото Н. Ананьева и Л. Шерстенникова.

ШАГИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

ВЛАСТЬ НАРОДА

«Рожденная революцией власть Советов — власть народа и для народа — открыла широкие возможности для участия трудящихся в управлении государственными, производственными и общественными делами».

Это строки из постановления ЦК КПСС о «Подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Еще и еще раз вспомнят их сегодня советские люди: сегодня день выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик, а также в местные Советы депутатов трудящихся. Выборы эти особо примечательны: они проходят в год юбилейный, год больших и радостных забот. Народ идет навстречу празднику, полный богатырских сил, смелых замыслов, готовый одолеть новые рубежи на пути к коммунизму.

В предвыборные дни в городах и селах проходили предвыборные встречи избирателей с кандидатами в депутаты Советов. Перед трудящимися выступили, тепло встреченные собравшимися, руководители партии и правительства, единодушно выдвинутые кандидатами в депутаты Верховных Советов республик. В своих речах они отмечали, что доверие, оказанное им избирателями, они относят за счет доверия, которое питают советские люди к КПСС и ленинскому Центральному Комитету партии.

Предвыборные встречи с избирателями вылились в убедительную демонстрацию единства партии и народа. Как прежде, так и сегодня на выборах депутатов в Советы нерушимым остается блок коммунистов и беспартийных.

ЗА ПОДВИГИ РАТНЫЕ И ТРУДОВЫЕ

Высоко оценила Родина ратные и трудовые подвиги тружеников Подмосковья. На знамени столичной области сияют теперь три ордена Ленина. Третий орден — награда за мужество и героизм, проявленные трудящимися Московской области в разгроме немецко-фашистских захватчиков под Москвой, и за успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства.

В Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное вручению Московской области третьего ордена Ленина. С речью выступил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. Под бурные аплодисменты присутствующих Н. В. Подгорный прикрепил орден Ленина к знамени Московской области.

Фото Е. Халдея и А. Устинова.

ВДНХ, 1967-й...

Интервью «Огонька»

Ю. МИЗЮРОВ,
первый заместитель директора ВДНХ СССР

Выставка достижений народного хозяйства СССР преображается. В центре ее, вокруг площади Промышленности, идет большое строительство — возводятся новые крупные павильоны современной архитектуры.

Уже можно представить, как будет выглядеть гигантский павильон, где разместится выставка — смотр товаров народного потребления. За его стеклянными стенами разместится 30 тысяч экспонатов — от авторучек до автомобилей. Здесь можно будет увидеть лучшие образцы серийных изделий легкой промышленности, обувь, одежду, ткани, многое из того, что окружает нас дома, на работе, на улице. Тщательный, строгий отбор экспонатов уже начался. Второе из сооружаемых сейчас новых зданий отводится для показа достижений химической промышленности.

ВДНХ 1967 года не обычная выставка, а юбилейная. Она широко отобразит успехи страны за 50 лет Советской власти. В юбилейной экспозиции найдет место все многообразие наших успехов в самых различных отраслях народного хозяйства и науки.

Часть павильона «Машиностроение» посвящена космосу. В новой экспозиции несколько разделов: развитие ракетной техники, астрономия, наука о Земле, космическая биология. Здесь будут представлены экспонаты, каких не было еще ни на одной выставке.

Павильон «Радиоэлектроника» познакомит с цветным телевидением. Тут будут организованы передачи через Останкинский телецентр и спутник связи «Молния-1». В павильоне «Советская печать», который переехал в новое помещение, поставят ротационные машины.

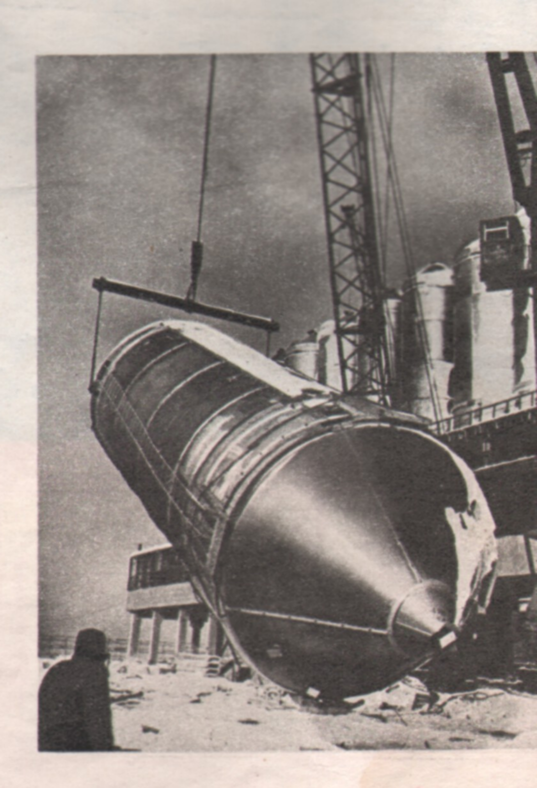
На ВДНХ можно будет увидеть макеты крупнейшего в мире телескопа, узнать о протонном синхротроне на энергию в 70 миллиардов электронвольт, о новейших станках, самолетах, автомобилях, сельскохозяйственных машинах.

Еще ярче, богаче станет зеленый наряд выставочного городка. Здесь расцветут 85 тысяч кустов роз, более 2 миллионов георгин, флоксов, тюльпанов, гладиолусов.

Позаботились и о лучшем обслуживании посетителей выставки. Они смогут пообедать в новом рыбном ресторане на берегу пруда, отведать национальные блюда, которые приготовят для них лучшие мастера-кулинары.

Такой будет площадь Промышленности на ВДНХ СССР 1967 года.

«Заря» набирает скорость.

«ЗАРЯ» НАД РЕКОЙ

Каких только судов нет на причалах Московского судостроительного и судоремонтного завода! Колесные буксирные пароходы, катера-толкачи, речные трамваи, брандвахты, баржи, дебаркадеры... Но нас сейчас интересует глиссирующий теплоход «Заря», созданный судостроителями по проекту Ленинградского проектно-конструкторского бюро Министерства речного флота РСФСР.

Три «Зари» уже получили путевку в жизнь, ушли с завода. А «Заря-4» и «Заря-5» подготовлены для отправки на сибирские реки.

По совершенству форм «Заря» несколько напоминает судно на подводных крыльях. Та же обтекаемость, строгость стиля. Со вкусом отделанный салон, где могут удобно расположиться 65 пассажиров. В кормовой части машинное отделение с двигателем в 900 лошадиных сил. Когда он работает на полную мощность, «Заря» не плывет по реке, а скользит над нею, легко преодолевая мели и другие препятствия.

«Заря» развивает скорость до 45 километров в час, а застопорив ход, может причалить к любому берегу, в любом месте.

Речники получили хорошее судно для малых рек. Вместе с речниками порадуются жители сел и городов, расположенных по берегам мелководных, сонных речушек.

В. БОРОНИН

БРИЛЛИАНТОВАЯ СВАДЬБА

Сколько лет можно дать человеку, который так ловко держит на плечах мальчишку, не очень-то уж и маленького? Не знаю, каким будет ваш ответ, но на самом деле Ханлар Гусейнов живет на свете уже 125 лет. В высокогорном азербайджанском селе Ленинкенд Ханлар-Баба и его жена 95-летняя Салатын пользуются большим уважением. Недавно они отпраздновали бриллиантовую свадьбу. Три четверти века дружной супружеской жизни!

Ханлар-Баба — один из первых членов сельхозартели. Теперь-то уже он давно на пенсии. Но дома старику не сидится, и он по-прежнему участвует в делах колхоза.

Фото Ю. Рахиля. ТАСС.

ДЕСЯТЬ ГЕКТАРОВ, ПЯТЬДЕСЯТ ПРОИЗВОДСТВ

Новополоцкий химический комбинат. На десяти гектарах белорусской земли возводятся почти пятьдесят крупных производств. С каждым днем все зримее вырисовываются контуры полиэтиленового завода — головного предприятия химического гиганта. Ведется монтаж технологического оборудования в компрессорной, в корпусах полимеризации, обработки полиэтилена, в цехе газоразделения.

Строители и монтажники завода обязались к 50-летию Советской власти ввести в действие мощности по производству полиэтилена высокого давления.

На снимке: монтаж 150-тонных алюминиевых емкостей.

Фото В. Климова.

ОПЕРЕЖАЯ НОВОСТИ

МИЛЛИОНЕР С ПУШКИНСКОЙ

ИЗВѢСТІЯ

Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

27 октября 1917 г.

Декретъ о мирѣ,

принятый единогласно на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

«Опережая новости» — рубрика еженедельника приложения «Известий» «Недели». Сегодня мы воспользовались этой рубрикой, чтобы поздравить известинцев с их большим праздником. Завтра газета отмечает пятидесятилетие. «Огонек» желает друзьям-газетчикам больших успехов. Наш корреспондент ведет репортаж из редакции газеты-юбиляра.

Около стеклянного киоска, что стоит в Москве на площади Пушкина,— очередь. Ждут свежую газету. Вечерний выпуск «Известий». Этот номер я уже видел. Правда, еще не газету, которую сейчас будет продавать киоскер, а листы, оттиснутые в типографии и развешанные в секретариате редакции. Я только что оттуда, где создается очень популярная в нашей стране газета. Ее тираж — 8 миллионов 670 тысяч. Этот знаменитый советский «миллионер» живет на Пушкинской площади.

— Чем объяснить популярность вашей газеты? — спросил я у главного редактора Л. Н. Толкунова.

— Скоро мы сможем дать строго научный ответ на этот вопрос,— сказал Лев Николаевич.— С помощью социологов мы провели солидное исследование. Распространили подробную анкету. На днях получим окончательные результаты.

У меня в кармане чистый бланк анкеты. 69 вопросов. На большинство из них я ответил бы положительно. Вероятно, так же поступят многие читатели.

«Любите ли вы нашу газету?» Такого вопроса в анкете нет. Но если бы он был, то лучшим ответом на него явилась бы очередь у киоска. В традиции газеты — не отставать от событий жизни. У этой традиции есть своя история.

...Шел 1918 год. Однажды поздней ночью в редакцию приехал Владимир Ильич Ленин. Он был возбужден. Эсеровские террористы убили германского посла Мирбаха, хотели спровоцировать войну.

— Раздавим этих истерических крикунов! — говорил Владимир Ильич.— Чего захотели: втянуть нас в войну! Сегодня же ночью ликвидируем эту авантюру и скажем народу всю правду, что мы на волосок от войны. Все, кто против войны, будут за нас.

Когда он начал говорить, сотрудница редакции стала записывать его слова. Известинцы попросили у Ленина разрешения опубликовать эту беседу. Поздней ночью запись прочли Владимиру Ильичу по телефону. Он одобрил.

Ранним утром во двор редакции въехал мотоцикл. Водитель внес в редакционную комнату корзину.

— Это вам из Кремля, от Владимира Ильича.

В корзине были хлеб и консервы. Ленин беспокоился о газетчиках, работавших всю ночь.

Утром люди читали гневные ленинские строки. И никто не знал, при каких обстоятельствах эти строки легли на газетный лист.

У каждой газетной строки есть своя история, радостная или грустная, забавная или трагическая. Такова и судьба людей, которые служат этой строке.

...Известинцы на дорогах войны. Об одном из них мне рассказывает бывший военный корреспондент газеты, а теперь редактор отдела литературы и искусства писатель Виктор Васильевич Полторацкий.

— Помню, как Саша Кузнецов улетал делать интересный материал. Под Полтавой базировались американские самолеты, совершавшие челночные полеты.

Интересно было написать об этом... Через два дня мы хоронили нашего корреспондента. Фашистская бомба так изуродовала Сашу, что узнали его только по известинскому удостоверению, которое лежало в кармане. Он погиб вместе с правдистами Петром Лидовым и Сергеем Струнниковым. Печальная это была встреча. Вернее, прощание...

Судьба газетчика — как судьба страны. Когда ей трудно, трудно и ему, когда у страны хорошее настроение, радуется и он. Счастливая судьба — знать, что у тебя есть миллионы друзей и что каждый номер газеты люди ждут, как умного и осведомленного собеседника, как доброго гостя.

В городе Лубны на Полтавщине произошел такой случай. Сестры-пенсионерки Нина Максимовна и Александра Максимовна Барыкины в новогодней почте получили номер «Известий».

— Это ошибка,— сказали они почтальону.— Мы не выписывали.

Позвонили в почтовое отделение.

— Никакой ошибки нет. У вас годовая подписка,— ответили им.

Оказалось, что соседи сестер — библиотекарь школы № 13 Галина Михайловна Сальник и ее дочь учительница Нина Васильевна Макеева — преподнесли старым друзьям такой необычный новогодний подарок.

...В стеклянном киоске, что на Пушкинской площади, продают свежую газету. Она пахнет краской. Всего десять минут назад газета была еще в типографии. Под крупными буквами «Известия» написано: «Год издания 50-й». 13 марта в эту строку внесут поправку: «Год издания 51-й».

О. КУПРИН

26 октября 1917 года Всероссийский съезд Советов принял декреты о мире и о земле. 27 октября и на следующий день «Известия» печатали эти исторические документы.

Диего Ривера у своей росписи водопроводной станции Лермо в Мехико. 1951—1953.

Вадим ПОЛЕВОЙ

Могучий Ривера

Диего Ривера — знаменитый мексиканский художник. Его жизнь — подвиг. Площадь созданных им фресок — около 5 тысяч квадратных метров. Разумеется, ценность искусства измеряется не метрами. О его живописи в 1925 году Маяковский писал: «Сейчас это первая коммунистическая роспись в мире».

Так было сказано о фресках, над которыми в те годы работал Диего Ривера в здании министерства просвещения в Мехико. Идеи их были рождены мексиканской революцией 1910—1917 годов, поднявшей на борьбу крестьян и рабочих, сокрушившей в стране феодальные порядки. Революция вдохновила художников Мексики. Героем их искусства стал народ. Его жизни и борьбе посвящает свое творчество и Диего Ривера.

На стенах здания министерства просвещения Ривера создает обширный цикл фресок — их полтораста. Это рассказ о крестьянах, с оружием в руках борющихся за свободу. Это изображение повстанцев, которые хоронят убитого товарища. Это ученики сельской школы, усевшиеся в кружок посреди пустынной долины. Рядом с ними возвышается всадник с винтовкой в руках, и его фигура как бы символизирует, что право на учебу народ добыл оружием и ныне это право охраняет. Диего Ривера вводит в композиции образы мексиканских пролетариев. Художник изображает труд в шахтах, на заводах, запечатлевает вооружающихся рабочих, народ, поющий песню о земле и свободе. Уличная толпа, свирепая и пьяная буржуазия, измученный народ и вооруженные повстанцы. Словом, жизнь, современная художнику, увиденная им во всех контрастах, во всем внутреннем напряжении. Эти росписи входят в цикл, который художник назвал «Всеобщая песнь».

Здесь складывается своеобразный стиль его искусства, прочно связанный с народной культурой родной страны. Его росписи светятся красками мексиканской природы, с ее горами, покрытыми снегом, и коричнево-желтой землей, выжженной солнцем и ветрами. Герои Риверы не принимают красивых поз, не делают эффектных жестов. Они выразительны своей простотой и естественностью, которые присущи им в жизни. Нередко Ривера вводит в фрески портреты реальных лиц. Руку художника можно узнать всегда: его фрески выполнены с какой-то фольклорной непосредственностью, ясностью. Содержание и смысл их легко могут быть прочитаны зрителем. Фигуры людей переданы с помощью обобщенных объемов. Краски чистые, без сложных переходов. Каждый цвет словно бы несет свою собственную тему.

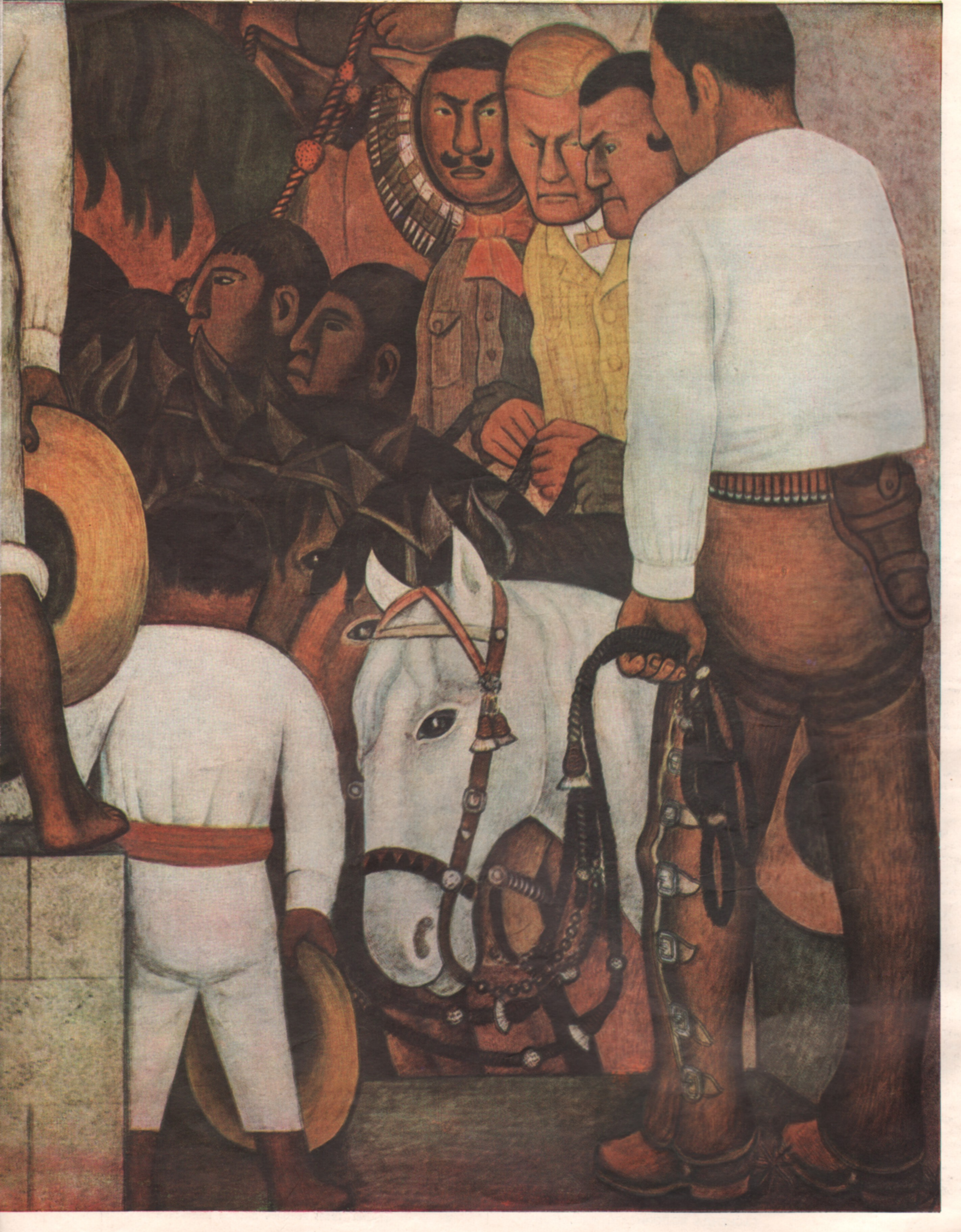
Мастер внимательно изучал древнюю индейскую живопись, существовавшую в Мексике еще до того, как совершил свое плавание к берегам Америки Христофор Колумб. Именно этому искусству были свойственны округлая, текучая линия, мягко очерчивающая фигуры, локальные цвета. Возможно, здесь живописец почерпнул стремление строить изображение так, чтобы оно читалось, как повествовательный рассказ, где один сюжет легко перетекает в другой. В живописи Риверы звучат и традиции народного искусства времен революции и предреволюционной поры. Это было искусство, запечатлевавшее в гравюрах и лубках острые сцены современной жизни, проникнутое пламенной политической сатирой.

Можно было бы и дальше перечислять те источники, к которым обращался художник,— итальянские фрески эпохи Возрождения, живопись великого нидерландца Питера Брейгеля Мужицкого... Смелый новатор и революционер в искусстве, Диего Ривера с удивительной бережностью и любовью относился к сокровищам искусства прошлых времен. И замечателен он тем, что сумел из всех этих драгоценностей создать совершенно новый сплав.

Диего Ривера отчетливо видел смысл своего творчества. Он оценил его в заслуженно горделивых словах: «В истории мирового искусства в монументальной живописи встречались только боги и полубоги, святые, а массы были только фоном, хором для этих героев-богов. Впервые в истории искусства угнетенная масса, толпа, рабочий и крестьянин, народ, человек улицы, фабрики, масса появились как главные герои истории... В этом наша слава». И действительно, в создании прогрессивной монументальной живописи великая заслуга мексиканских живописцев. Диего Ривера вместе с друзьями Хосе Клементе Ороско и Давидом Альфаро Сикейросом создали искусство, которое оказалось по своим задачам и программе наиболее близким молодому советскому искусству, в те же годы формировавшему революционный стиль.

Диего Ривера. 1886—1957. ГАСИЕНДА КОЛОНИЗАТОРА-ПОМЕЩИКА. Фрагмент фрески. 1929. Роспись Дворца Кортеса в Куэрнаване.

Диего Ривера. ФРАГМЕНТ ФРЕСКИ ИЗ ЦИКЛА «ВСЕОБЩАЯ ПЕСНЬ». Министерство народного просвещения.

В росписях Риверы, о которых писал Маяковский, сложились темы, тип героя, прием изображения, отчетливо определилась точка зрения художника на жизнь и на искусство. Его творческий путь до этого имел многолетнюю историю.

Диего Ривера родился в 1886 году. Он учился в Мехико и быстро превзошел всю необходимую школьную премудрость. Еще в юности его талант получил признание. В двадцать лет он отправляется в Европу и живет там до 1921 года, главным образом в Париже. Живописец стал одной из самых заметных и ярких фигур в знаменитом кафе «Ротонда», где накануне мировой войны собирались разноплеменные художники. Всех их объединяло несогласие с тем миром, в котором они существовали, протест против искусства, которому их учили, смутные надежды и поиски. Их увлечения бродили среди многочисленных новейших веяний искусства, таких, как фовизм, кубизм. В эту пору с Риверой дружил Илья Эренбург, посвятивший художнику в своих воспоминаниях немало страниц, где читатель найдет и любовь, и иронию, и согласие, и несогласие с художником. Нет смысла пересказывать их здесь. Проще обратиться к книге «Люди, годы, жизнь»...

Первая мировая война произвела потрясение среди обитателей «Ротонды», а Октябрьская революция, развитие общественной борьбы во многом прояснили пути этих художников. Со временем обозначилось два направления, по которым двинулись они дальше. Риверу и других мексиканских художников, приехавших в Европу после мексиканской революции, объединила идея создания революционного, народного, национального искусства. Это был путь развития искусства, вмешивающегося в жизнь, и его мексиканцы последовательно противопоставили кукольной, погруженной в себя живописи кафе и особняков, довольствующейся «революцией формы». Гражданственный, воинствующий дух революции — вот что вдохновило молодых мексиканцев. Ход их рассуждений был ясным и логичным. Если мы хотим, чтобы наше искусство служило народу и было обращено ко всем гражданам страны, оно должно быть понятным, образным, реалистическим. И Ривера порывает с кубизмом, в манере которого он работал несколько лет и уже успел завоевать немалую известность. Если искусство должен видеть весь народ, рассуждали мексиканцы,— значит, это должна быть не картина, которую можно запереть в комнате, а роспись, созданная на улице, на стене здания. И Ривера со всей пламенностью своего характера обращается к искусству фрески. Наконец, желая создать свое национальное искусство, мексиканские художники возрождают опыт древнего искусства индейцев.

Маяковский вспоминает, как он и Диего Ривера «...смотрели древние, круглые, на камне, ацтекские календари из мексиканских пирамид, двуморлых идолов ветра, у которых одно лицо догоняет другое. Смотрели, и мне показывали не зря... Сегодняшняя идея мексиканского искусства — это исход из древнего, пестрого, грубого народного индейского искусства, а не из эпигонски-эклектических форм, завезенных сюда из Европы. Эта идея — часть, может, еще и не осознанная часть, идеи борьбы и освобождения колониальных рабов».

В 1921 году на родине, в Мехико, собираются три будущих великих мастера новой мексиканской живописи — Ривера, Ороско, Сикейрос. На следующий год они выполняют первую монументальную роспись. Многое в ней было еще наивным, несамостоятельным, манерным. Но в это же время происходит важное событие в истории мексиканского искусства. Художники создают свою революционную организацию, которая устанавливает прочный контакт с компартией. Газета художников становится органом компартии. Теперь передовое мексиканское искусство неразрывно связано с революционным демократическим движением. Складывается новый тип художника — политического борца, для которого его творчество является подлинным оружием. Поэтому в Мексике небывало высоко вырос авторитет искусства и его мастеров.

Приходилось и действительно с оружием защищать росписи от реакционеров, пытавшихся их разрушить. Надо сказать, что художественная жизнь страны протекала в необыкновенно ярких и колоритных формах. Споры о развитии искусства, например, должна ли живопись подражать индейским образцам или изобретать новые приемы, подчас сопровождались бурными столкновениями, стрельбой в потолок.

Можно представить себе, как выглядел в подобных ситуациях Диего Ривера, этот могучий человек, полный совершенно неукротимого темперамента, всегда до конца шедший в своих увлечениях. Вспомним, что писал Маяковский о нем: «Я раньше только слышал, будто Диего — один из основателей Компартии Мексики, что Диего — величайший мексиканский художник, что Диего из кольта попадает в монету на лету. Еще я знал, что своего Хулио Хуренито Эренбург пытался писать с Диего.

Диего оказался огромным, с хорошим животом, широколицым, всегда улыбающимся человеком.

Он рассказывает, вмешивая русские слова (Диего великолепно понимает по-русски), тысячи интересных вещей, но перед рассказом предупреждает:

— Имейте в виду, и моя жена подтверждает, что половину из всего сказанного я привираю...— Диего двигался тучей, отвечая на сотни поклонов, пожимая руку ближайшим и перекрикиваясь с идущими с другой стороны...

В этот день я обедал у Диего... Потом перешли в гостиную. В центре дивана валялся годовалый сын, а в изголовье на подушке бережно лежал огромный кольт».

Замыслы Риверы-живописца в ту пору были грандиозными.

В 1926—1927 годах он расписывает здание сельскохозяйственной школы в Чапинго, неподалеку от Мехико. Эта школа готовила кадры для проведения в стране аграрной реформы. Она размещалась в старой гасиенде. Бывшая капелла ее была превращена в актовый зал. Здесь и создает Ривера росписи, замыслив охватить в них все мироздание. Композиция имеет две темы. Первая — природа. Это повесть о дремлющей и пробуждающейся земле, о рождении жизни. В единый вихрь вовлекаются аллегорические фигуры земли, воды, огня, ветра. Изображение строится с помощью, если можно так сказать, «европейской манеры» письма — четко, классично. Вторая тема — народ, завоевывающий право на землю и созидающий на ней новую жизнь. Здесь перед нами уже знакомый по росписям здания министерства просвещения «мексиканский стиль» Риверы. Вновь появляются приземистые фигуры, проникнутые удивительно привлекательной, незамысловатой, простой и мужественной красотой. Лучшая из росписей — «Смерть крестьянина». Крестьяне с винтовками. Закутанные в покрывала фигуры, оплакивающие павших. Над телом убитого крестьянина-революционера возвышается могучее старое дерево, которое расцветает алыми цветами. Кровь героев — плата за ростки новой жизни — такова мысль этого произведения.

Каждая последующая работа, которую предпринимает тогда Ривера, становится шагом вперед в развитии его искусства. В 1929—1930 годах он выполняет роспись на стенах дворца Кортеса в городке Куэрнавака. Воссоздавая здесь социальную и политическую историю Мексики, Ривера сводит в одну композицию многочисленные сцены от эпохи завоевания страны солдатами Кортеса до революции 1910—1917 годов: сражения индейцев и испанских завоевателей, исторические трагедии Мексики, подневольный труд на плантациях — под свист бича рабы носят связки сахарного тростника, а на веранде, покачиваясь в гамаке, расположился плантатор. Здесь рассказывается о восстаниях, о революциях, о победах народа, борющегося за свободу. Из этого сплетения яростных, ожесточенных событий как бы вырастают благородные, возвышенные образы вождей народа. Таков, например, портрет крестьянского вождя Эмилиано Сапаты, мужественный и одухотворенный.

Роспись Риверы — это историческая повесть, насыщенная событиями, характерами, действием. Ее надо читать и перечитывать много раз. Художник условно соединяет в одном изображении разные времена. Но всегда решение его композиций строго оправдано логикой развития истории, которая олицетворена в обобщенных образах, достоверных портретах и конкретных событиях.

Живопись Риверы наполнена огромной стихийной силой и темпераментом. Кажется, что все свое ожесточение история выплеснула на стены дворца, обрушила на зрителя свой гнев, ярость битв, торжество побед.

Вот это сочетание исторического исследования и яркой эмоциональности и составляет самую важную особенность того стиля монументальной живописи, который создал Диего Ривера.

Вслед за росписью дворца Кортеса Ривера начинает работать в Национальном дворце в столице страны. Эта работа шла с перерывом, и художник вел ее до последних дней своей жизни. Размах росписи необычаен. Одна лишь фреска на лестнице дворца занимает 275 квадратных метров. На стенах огромного, тяжеловесного и угрюмого здания Диего Ривера развертывает обширную панораму истории своей родины, которую завершает фреска «Мексика сегодня и завтра». Здесь сильные и величественные, как статуи, образы крестьян, рабочих, исполненные великой человеческой нежности образы учительниц.

Ривера пренебрегает школьной чистотою стиля. Он объединяет изображения и надписи, которые надо читать, для того, чтобы понять до конца замысел художника, соединяет аллегорические и реальные сцены, возвышенные, героические характеры со злой и беспощадной сатирой, с помощью которой изобличает банковские махинации, военщину, фашизм. Эта фреска завершается портретом Карла Маркса на фоне силуэта Московского Кремля.

В галерее двора роспись посвящена древней Мексике. Она удивительно красива. На фоне вулканов белеют постройки древних городов, разрушенные впоследствии завоевателями. Это — правдивое сказание о прекрасном и погибшем мире. Но художник-коммунист далек здесь от создания безоблачной идиллии. Он видит красоту жизни в ее реальной правде. Не случайно он завершает этот цикл сценой завоевания, куда вводит сатирический, изобличительный портрет завоевателя Кортеса.

Смерть художника прервала в 1957 году дальнейшую работу над этой росписью.

Путь Риверы не был подобен прямой линии, прочерченной по линейке. Художник испытал на себе тяжелые удары реакции. Несколько лет он провел в эмиграции. В эти годы он выполнил в Нью-Йорке роспись, в которую включил портрет В. И. Ленина. Фреска была разрушена. Одна из его работ, вызвавшая неудовольствие мракобесов, была похищена в Мехико. Большая роспись, которую Ривера создал в фешенебельном отеле дель Прадо в Мехико, вызвала возмущение обитателей отеля. Ривера изобразил, как через главный парк мексиканской столицы чередой проходят преступления, чинимые колонизаторами, инквизицией, реакционными правителями страны.

Роспись была закрыта занавесом от взоров зрителей.

Немало ошибок совершил и сам Ривера. В предвоенные годы он отошел от рабочего движения. Лишь в конце второй мировой войны Ривера вновь был принят в ряды компартии. И в послевоенные годы наступил новый подъем его искусства. Именно в это время он расписывает галерею Национального дворца и отель дель Прадо, создает огромную мозаику на олимпийском стадионе, росписи на водопроводной станции в Мехико. Рядом он создает великолепный фонтан в виде фигуры древнего индейского бога дождя. К тому же времени относится и его роспись и мозаика на фасаде Театра повстанцев. Здесь, как и во многих других случаях, Ривера работал с многочисленными учениками. Он создал школу, целое течение в мексиканском искусстве, в искусстве всей Латинской Америки. В его доме, похожем на музей древней и народной культуры Мексики, вечерами собирались его ученики. Пели песни, спорили о живописи. Здесь рождались замыслы многих славных произведений мексиканского искусства.

Отмечая 80-летие со дня рождения Диего Риверы, мы вспоминаем о нем как о соратнике советских художников, друге Советского Союза, первом председателе общества дружбы СССР и Мексики. Диего Ривера участвовал и в жизни советского искусства, выступал со статьями в советских художественных журналах. Его творчество вошло в историю культуры XX века под красным знаменем и с оружием в руках.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Валентин КАТАЕВ

Фрагменты из романа «Трава забвенья». Окончание. См. «Огонек» № 8 — 10. Полностью роман будет напечатан в журнале «Новый мир».

И вот я уже сижу за круглым лаковым столом, разложив возле турецкой пепельницы рукопись нового рассказа. Кашляя от волнения, я предвкушаю одобрение Бунина оттого, что мой молодой человек не студент первого курса и даже не подпоручик, а — вообразите себе! — декоратор: и шикарно и вполне соответствует жизненной правде.

Я очень торопливо, с жаром прочел свой рассказ, где, помнится, были описаны любовные переживания молодого декоратора, первое свидание, разрыв с любимой женщиной, ночное пьянство и даже, кажется, нюханье кокаина в какой-то подозрительной компании и, наконец, описание очень раннего солнечного, еще до озноба холодного утра на Николаевском бульваре, где по гранитным ступеням знаменитой лестницы ходили большие розовые голуби.

Все это я описал с большим щегольством и, читая, время от времени бросал незаметные взгляды на Бунина, желая прочесть по его лицу впечатление, которое производит на него моя проза, казавшаяся мне самому на редкость красивой.

Сперва замкнутое лицо Бунина выражало привычное профессиональное внимание. Я даже заметил, как он один раз значительно переглянулся с Верой Николаевной. Небось, разобрало-таки старика! Но затем он начал заметно мрачнеть, нетерпеливо подергивал шеей, а к концу рассказа уже, к моему ужасу, не скрывал раздражения и даже начал довольно громко постукивать каблуком по паркету. Когда же я дошел до коренного места с розовыми от зари голубями, которые должны были, по моим соображениям, особенно понравиться Бунину, и не без некоторого скромного самодовольства провозгласил заключительную фразу рассказа, то Бунин некоторое время молчал, повернув ко мне злое лицо со страшными, грозно-вопрошающими глазами, а затем ледяным голосом спросил:

— И это все?

— Все,— сказал я.

— Вот тебе и раз. Так какого же вы черта,— вдруг заорал Бунин, стукнув кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнула пепельница,— так какого же вы черта битых сорок пять минут морочили нам голову! Мы с Верой сидим как на иголках и ждем, когда же ваш декоратор наконец начнет писать декорации, а оказывается, ничего подобного: уже все, конец!..

За этим же круглым лаковым столом, перед этой же пепельницей с таинственными арабскими знаками однажды Бунин прочел мне только что законченный им — еще даже не высохли зеленые чернила — прелестный рассказ о смерти старого князя, и, когда я спросил, долго ли он писал этот рассказ, Бунин ответил:

— Часа три.

Заметив мое изумление, он прибавил:

— Я вообще пишу быстро, хотя печатаю медленно. Первую часть «Деревни» я, например, написал что-то за две недели. Разумеется, обдумывал долго, но потом написал сразу, единым духом. Кое-что поправил при переписке и в корректуре, но это, как водится!

До этих пор я был уверен, что он пишет очень медленно, с массой черновиков, поправок, вариантов, отделывая каждую фразу, по десяти раз меняя эпитеты.

У меня сложилось впечатление, что подобного рода «флоберизм», и до сих пор еще весьма модный среди некоторых писателей, глубоко убежденных, что есть какое-то особенное писательское мастерство, родственное мастерству, скажем, шлифовальщика или чеканщика, способное превратить ремесленника в подлинного художника, ни в какой мере не был свойствен Бунину, хотя он иногда и сам говорил о «шлифовке», «чеканке» и прочем вздоре, который сейчас, в эпоху мовизма, вызывает у меня только улыбку.

Сила Бунина-изобразителя заключалась в поразительно быстрой, почти мгновенной реакции на все внешние раздражители и в способности тут же найти для них совершенно точное словесное выражение.

Он сказал мне, что никогда не пользуется пишущей машинкой, а всегда пишет от руки, пером.

— И вам не советую писать прямо на машинке. После того, как вещь готова в рукописи, можете перепечатать на машинке. Но само творчество, самый процесс сочинения, по-моему, заключается в некоем взаимодействии, в той таинственной связи, которая возникает между головой, рукой, пером и бумагой, что и есть собственно творчество.

Говоря это, Бунин коснулся своей головы, затем пошевелил кистью руки, которая держала автоматическую ручку с золотым пером, коснулся его наплавленным платиновым кончиком листа бумаги и сделал на ней несколько закорючек.

— Когда вы сочиняете непосредственно на пишущей машинке, то каждое выстуканное вами слово теряет индивидуальность, обезличивается, в то время как написанное вами собственноручно на бумаге, оно как бы является материальным, зримым следом вашей мысли, ее рисунком, оно еще не потеряло сокровенной связи с вашей душой, если хотите, с вашим организмом, так что если это слово фальшиво само по себе, или не туда поставлено, или неуместно, бестактно, то вы это не только сейчас же ощутите внутренним чутьем, но и тотчас заметите глазами по некоторому замедлению, убыстрению и даже изменению почерка. Одним словом, ваш почерк — единственный, неповторимый, как часть вашей души,— просигнализирует вам, если что: «Не то!» — сказал он, несколько видоизменив последнюю строчку своего стихотворения «Компас»:

«Не собьет с пути меня никто. Некий Nord моей душою правит, он меня в скитаньях не оставит, он мне скажет, если что: не то!»

Думаю, что Бунин все-таки был мовист.

Я часто наводил разговор на «Господина из Сан-Франциско», желая как можно больше услышать от Бунина о том, как и почему написан им этот необыкновенный рассказ, открывший, по моему мнению, совершенно новую страницу в истории русской литературы, которая до сих пор — за самыми незначительными исключениями — славилась изображением исключительно русской жизни: национальных характеров, природы, быта. Если у наших классиков попадались «заграничные куски», то лишь в той мере, в какой это касалось судеб России или русского человека.

В нарушение всех традиций Бунин написал произведение, где русским был только замечательный язык и та доведенная до возможного совершенства пластичность, которая всегда выделяла русскую литературу изо всех мировых литератур и ставила ее на первое место, все же остальное в «Господине из Сан-Франциско» — пейзаж, персонажи, сюжет — было иностранное, точнее сказать, интернациональное, а главное, ультрасовременное: с американским миллионером, трансатлантическим лайнером, жизнью люкс в первоклассных международных отелях, с барами, танго, автомобилями, коктейлями, радиосвязью, парижскими модами, безумным богатством, ужасающей нищетой и всем тем, что с особенной силой расцвело на земном шаре перед первой мировой войной и что примерно в то же время Ленин назвал высшей стадией капитализма — империализмом.

В «Господине из Сан-Франциско» как бы все время где-то незримо присутствует тень гибнущего «Титаника» и зловеще звучит заключительный аккорд всего повествования:

«А средина «Атлантиды», столовые и бальные залы ее изливали свет и радость, гудели говором нарядной толпы, благоухали свежими цветами, пели струнным оркестром. И опять мучительно извивалась и порою судорожно сталкивалась среди этой толпы, среди блеска огней, шелков, бриллиантов и обнаженных женских плеч, тонкая и гибкая пара нанятых влюбленных: грешно-скромная девушка с опущенными ресницами, с невинной прической, и рослый молодой человек с черными, как бы приклеенными волосами, бледный от пудры, в изящнейшей лакированной обуви, в узком, с длинными фалдами, фраке — красавец, похожий на огромную пиявку. И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит глубоко-глубоко под ними, на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжко одолевавшего мрак, океан, вьюгу...»

Даже повторить эти бунинские слова, переписав их своею рукою, и то громадное наслаждение!

Еще до «Господина из Сан-Франциско» Бунин написал потрясающей силы антиколониальный рассказ — тоже полностью «иностранный» — «Братья» — трагедию, разыгравшуюся между белым господином и цветным рабом на цветущем острове Цейлоне. Этот рассказ мог бы даже показаться переводным, написанным, например, Редьярдом Киплингом, если бы — опять же! — не удивительный бунинский русский язык и не бунинская, неповторимая пластика, доводящая его описания до стереоскопической объемности и точности,— свойство, которым не мог похвастаться ни один современный Бунину мировой писатель.

— Почему вас удивляет, что я написал такие «нерусские» рассказы? Я не давал клятвы всю жизнь описывать только Россию, изображать лишь наш, русский быт. У каждого настоящего художника, независимо от его национальности, должна быть свободная мировая, общечеловеческая душа; для

К этому времени Бунин был уже настолько скомпрометирован своими контрреволюционными взглядами, которых, кстати, не скрывал, что его могли без всяких разговоров расстрелять и, наверное бы, расстреляли, если бы не его старинный друг одесский художник Нилус, живший в том же доме, где жили и Бунины, на чердаке, описанном в «Снах Чанга», не на простом чердаке, а на чердаке «теплом, благоухающем сигарой, устланном коврами, уставленном старинной мебелью, увешанном огромными картинами и парчовыми тканями...».

Так вот, если бы этот самый Нилус не проявил бешеной энергии — телеграфировал в Москву Луначарскому, чуть ли не на коленях умолял председателя Одесского ревкома,— то еще неизвестно, чем бы кончилось дело.

Так или иначе Нилус получил специальную, так называемую «охранную грамоту» на жизнь, имущество и личную неприкосновенность академика Бунина, которую и прикололи кнопками к лаковой, богатой двери особняка на Княжеской улице.

...К особняку подошел отряд вооруженных матросов и солдат особого отдела. Увидев в окно синие воротники и оранжевые распахнутые полушубки, Вера Николаевна бесшумно сползла вдоль стены вниз и потеряла сознание, а Бунин, резко стуча каблуками по натертому паркету, подошел к дверям, остановился на пороге как вкопанный, странно откинув назад вытянутые руки со сжатыми изо всех сил кулаками, и судороги быстро пробежали по его побелевшему лицу с трясущейся бородкой и страшными глазами.

— Если хоть кто-нибудь осмелится перешагнуть порог моего дома...— не закричал, а как-то ужасно проскрежетал он, играя челюстями и обнажив белые, острые зубы,— то первому же человеку я собственными зубами перегрызу горло, и пусть меня потом убивают! Я не хочу больше жить!

Мне тут же вспомнились строки его стихов:

«...веди меня, вали под нож в единый мах,— не то держись: зубами всех заем, не оторвут!»

И я ужаснулся.

Но все обошлось: особисты прочитали охранную грамоту с советской печатью и подписью, очень удивились, даже кто-то негромко матюкнулся по адресу ревкома, однако не захотели идти против решения священной для них Советской власти и молча удалились по притихшей, безлюдной улице, мимо еще по-зимнему сухих стволов белой акации, с грубой черно-серой корой, в глубоких трещинах которой угадывалась нежная лубяная желтизна.

В продолжение всей этой сцены я смотрел на улицу в окно, так что между моими глазами и отрядом особистов находился большой наружный термометр с шариком ртути, в котором лучисто отражалось уже почти по-весеннему яркое, но все еще немного туманное солнце.

И вдруг я снова увидел и сразу узнал ее, ту самую девочку с дачи Ковалевского, которую описывал по совету Бунина пять лет назад.

Теперь ей было лет восемнадцать, и она стояла среди матросов и солдат, читая охранную грамоту, в распахнутом армейском полушубке и белом сибирском малахае, отодвинутом с оливково-смуглого, вспотевшего лба на затылок. Она держала в маленькой крепкой руке драгунскую винтовку, и ее зубы были стиснуты, подбородок выдавался вперед, как башмак, а на темном лице лунно светились узкие злые и в то же время волшебно-прекрасные глаза.

Наши взгляды встретились, и она погрозила мне — враждебному ей незнакомому молодому человеку, находящемуся в квартире контрреволюционера Бунина,— своей ладной, короткой винтовочкой.

И мы снова ненадолго потеряли из виду друг друга, а жизнь, на миг превратившаяся в страницу Гюго, опять потекла своей чередой.

Удивительно, что когда вскоре я встретил ее снова, то узнал не сразу.

Начался трудовой, организационный период, писал я по горячим следам событий в «Записках о гражданской войне».

«Всем оставшимся в городе новая власть большевиков предоставила право собираться и коллективно обсуждать устройство своей жизни. В большом, очень, как мне тогда представлялось, изящно отделанном зале так называемой «Литературки», где еще так недавно лакеи во фраках прислуживали эстетам в бархатных куртках и актрисам с разрисованными глазами, теперь стояли рыночные стулья и принесенные из дворницкой скамейки, на которых сидели взволнованные, выбитые из привычной колеи люди, главным образом беженцы с севера. Они должны были определить свое отношение к Советской власти, наконец-то настигшей их на берегу Черного моря».

«Бунин сидел в углу, опираясь подбородком о набалдашник толстой палки. Он был желт, зол и морщинист. Худая его шея, вылезшая из воротничка цветной, накрахмаленной сорочки, туго пружинилась. Опухшие, словно заплаканные глаза смотрели пронзительно и свирепо. Он весь подергивался на месте и вертел шеей, словно ее давил воротничок. Он был наиболее непримирим. Несколько раз он вскакивал с места и сердито стучал палкой об пол».

Примерно то же самое впоследствии написал и Олеша.

«...Когда на собрании артистов, писателей, поэтов он стучал на нас, молодых, палкой и уж, безусловно, казался злым стариком, ему было всего лишь сорок два года. Но ведь он и действительно был тогда стариком! И мало того: именно злым, костяным стариком — дедом!»

Хотя Олеша и ошибся в возрасте Бунина, которому тогда было уже под пятьдесят, но важен не возраст, а впечатление от этого возраста. Оно совпадает и с моим впечатлением. Именно был тогда злой старик.

А мы, молодые, те самые, на которых он стучал тогда палкой, были Багрицкий, Олеша, я...

Как про нас тогда говорили в городе с некоторым страхом, смешанным с удивлением:

— Эти трое!

Я продолжал бывать у Бунина, хотя было ясно, что наши дороги расходятся все дальше и дальше. Я продолжал его страстно любить. Не хочу прибавлять: как художника. Я любил его полностью и как человека, как личность тоже. Я не чувствовал в его отношении к себе сколько-нибудь заметного охлаждения, хотя и заметил, что он все чаще и чаще очень пристально вглядывается в меня, как бы желая понять неясную для него душу современного молодого человека, зараженного революцией, прочесть самые его сокровенные мысли.

Он даже стал иногда как-то мелочно-придирчив. Рассматривая меня, он заметил однажды, что я стал носить на руке в виде браслета золотую цепочку с какой-то висюлькой.

Он нахмурился.

— Это что за фатовство? Вы не барышня, чтобы носить золотой браслет.

— Он совсем не золотой,— сказал я,— а медный позолоченный, дутый.

— Тем более. Настоящий золотой это еще туда-сюда. А дутый, да еще и фальшивого золота,— совсем пошло. Запомните: человек должен пользоваться и украшаться — если уж он решил украшаться!— только настоящим, подлинным... Ничего поддельного, фальшивого! А что это болтается на нем за штучка?

— Это осколок, который у меня извлекли из верхней трети бедра,— сказал я не без хвастовства, но все же покраснев до корней волос.

Бунин взял мою руку и опустил себе на ладонь острый обрывок меди с вдавленной трехзначной цифрой — кусочек центрующего пояска немецкого снаряда, который мог, попади он в голову, в один миг прекратить мою жизнь; внимательно осмотрел осколок со всех сторон своими дьявольски зоркими глазами и спросил:

— Это сидело в вашем теле?

— Да, в верхней трети бедра,— повторил я с удовольствием.

— Ну так и носили бы его на простой стальной цепочке. Это было бы гораздо лучше. А дутое фальшивое американское золото недостойно вашего настоящего, — подчеркнул он,— осколка. Оно только унижает его. Как это было? Только не сочиняйте.

— Меня подбросило, а когда я очнулся, то одним глазом увидел твердо лежащую под щекой землю, а сверху на меня падали комья и летела пыль и от очень близкого взрыва едко пахло жженым целлулоидным гребешком.

— Ну носите на здоровье, если вам хочется казаться богаче, чем вы есть на самом деле,— подумав, заметил Бунин.

Было знойное лето, пустынный, вымерший город, закрытые лавки, молчаливый рынок, где приезжие мужики торопливо обменивали муку на городские вещи. Отсутствовали табак и спички.

Я принес Бунину большое увеличительное стекло, вынутое из желтого соснового ящика Афонской панорамы. Эта панорама, купленная во время нашего путешествия за границу, считалась очень ценной вещью и стояла на третьем месте после маминого пианино и стенных столовых часов с боем, выигранных некогда в лотерею-аллегри.

Круглое увеличительное стекло, вделанное в крышку ящика с медным крючком, волшебно приближало выпукло увеличенные, по-литографски яркие открытки, крупно зернистые изображения знаменитой мечети Айя-София с пиками минаретов по углам или старинного кладбища в Скутари с беломраморными столбиками мусульманских надгробий и почти черными кипарисами на фоне лубочного, сплошь ультрамаринового неба, без единого облачка.

Я завернул волшебное стекло в лист самой лучшей своей бумаги, на которой написал следующий мадригал:

«Ивану Бунину при посылке ему увеличительного стекла.

Примите от меня, учитель, сие волшебное стекло, дабы, сведя в свою обитель животворящее тепло, наперекор судьбе упрямой, минуя «спичечный вопрос», от солнца б зажигали прямо табак душистых папирос.

Во дни волнений и тревоги и уравнения в правах одни языческие боги еще царили в небесах. Но вот, благодаренье небу, настала очередь богам. Довольно Вы служили Фебу, пускай же Феб послужит Вам».

Оставив без внимания мою стилизацию, Бунин скрутил самодельную папиросу из остатков скверного черного табака, взял стекло и навел пучок солнечных лучей, бивших в пыльное окно из города, охваченного мертвой тишиной красного террора, на кончик самокрутки.

В жгуче суженном до размера точки кружочке фокуса появился седой дымок, как будто бы где-то далеко в степи загорелась сухая скирда соломы, и Бунин стал курить, подставив под папиросу знакомую пепельницу, которая на этот раз показалась мне не так ярко начищенной самоварной мазью, как в былые дни.

— Благодарствуйте,— сказал Бунин, пожимая мне руку.— Вы меня выручили. Ваш должник!

Осенью опять переменилась власть. Город заняли деникинцы. И вот однажды темным, дождливым городским утром — таким парижским!— я прочитал Бунину свой последний, только что тщательно выправленный и переписанный набело рассказ об одном молодом человеке — на этот раз я его опять сделал из чувства упрямства студентом, который вроде пушкинского Германа был игрок, одержимый манией во что бы то ни стало выиграть в карты много денег, в то время как другой молодой человек — его я из чувства все того же упрямства и противоречия сделал актером маленького бульварного театра миниатюр — завидует студенту и даже хочет его убить из револьвера, но не убивает по чистой случайности, причем все это развертывается, разумеется, при участии обольстительной балерины, на фоне доживающего свои последние дни, разлагающегося, обреченного буржуазного города, осажденного Красной Армией. Как я сейчас понимаю, главная ценность рассказа заключалась именно в передаче ощущения социальной обреченности накануне революционного восстания, когда на окраинах, в рабочих кварталах, подпольщики достают спрятанное оружие и «новый день, обозначившийся светлой полосой за черными фабричными трубами, был последним днем Вавилона».

Бунин молча слушал, облокотившись на лаковый столик, и я со страхом ожидал появления на его лице признаков раздражения или, чего доброго, прямой злости. Но его глаза были утомленно сужены, устремлены куда-то вдаль, будто он и впрямь видел над по-верхарновски черными фабричными трубами кровавый революционный рассвет, и вся его фигура, даже расслабленные пальцы руки, в которых он держал дымящуюся папиросу над медной чашкой пепельницы, выражали глубокое огорчение, почти нескрываемую боль.

— Я здесь пытался применить ваш принцип симфонической прозы,— сказал я, окончив чтение.

Он взглянул на меня и сказал с горечью, как бы отвечая на свои мысли:

— Ну что ж. Этого следовало ожидать. Я уже

здесь не вижу себя. Вы уходите от меня к Леониду Андрееву. Но скажите: неужели вы бы смогли, как ваш герой, убить человека для того, чтобы завладеть его бумажником?

— Я — нет. Но мой персонаж...

— Неправда!— резко сказал Бунин, почти крикнул.— Не сваливайте на свой персонаж! Каждый персонаж — это и есть сам писатель.

— Позвольте! Но Раскольников...

— Ага! Я так и знал, что вы сейчас назовете это имя! Голодный молодой человек с топором под пиджачком. И кто знает, что переживал Достоевский, сочиняя его, этого самого своего Раскольникова. Одна фамилия чего стоит! Я думаю,— тихо сказал Бунин,— в эти минуты он сам был Раскольниковым. Ненавижу вашего Достоевского!— вдруг со страстью воскликнул он.— Омерзительный писатель, со всеми своими нагромождениями, ужасающей неряшливостью какого-то нарочитого, противоестественного, выдуманного языка, которым никогда никто не говорит, с назойливыми, утомительными повторениями, длиннотами, косноязычием... Он все время хватает вас за уши и тычет, тычет, тычет носом в эту невозможную, придуманную им мерзость, какую-то душевную блевотину. А кроме того, как это все манерно, надуманно, неестественно! Легенда о великом инквизиторе!— воскликнул Бунин с выражением гадливости и захохотал.

— Вот откуда пошло все то, что случилось с Россией: декадентство, модернизм, революция, молодые люди, подобные вам, до мозга костей зараженные достоевщиной,— без пути в жизни, растерянные, душевно и физически искалеченные войной, не знающие, куда девать свои силы, способности, свои подчас недюжинные, даже громадные таланты... Ах, да что говорить!— Он с отчаянием махнул рукой.

Может быть, он первый в мире заговорил о потерянном поколении.

Но наше русское, мое поколение не было потерянным. Оно не погибло, хотя и могло погибнуть. Война его искалечила, но Великая революция спасла и вылечила. И впоследствии я не стал ни Ремарком, ни Хемингуэем, хотя мог бы им стать, если бы не поверил в революцию. Какой бы я ни был, я обязан своей жизнью и своим творчеством революции.

Я сын революции. Может быть, и плохой. Но все равно, сын.

Это были последние месяцы перед нашей разлукой навсегда. Вот некоторые его мысли того времени, поразившие меня своей н е о б щ е п р и н я т о с т ь ю:

— Вы знаете, при всей его гениальности Лев Толстой не всегда безупречен как художник. Есть у него много сырого, лишнего. Мне хочется в один прекрасный день взять, например, его «Анну Каренину» и заново ее переписать. Не написать по-своему, а именно переписать — если будет позволено так выразиться,— переписать набело, убрав все длинноты, кое-что опустив, кое-где сделав фразы более точными, изящными, но, разумеется, нигде не прибавляя от себя ни одной буквы, оставив все толстовское в полной неприкосновенности. Может быть, я это когда-нибудь сделаю, разумеется, как опыт, исключительно для себя, не для печати. Хотя глубоко убежден, что отредактированный таким образом Толстой — не каким-нибудь Страховым, а настоящим художником — будет читаться еще с большим удовольствием и приобретет дополнительно тех читателей, которые не всегда могут осилить его романы именно в силу их недостаточной стилистической обработки.

Можно себе представить, какую бурю самых противоречивых чувств вызывали в моей слабой, молодой душе подобные мысли, высказанные моим учителем очень простым, даже обыденным тоном, лишенным какой бы то ни было рисовки или желания, как тогда любили выражаться «эпатировать», но с той несокрушимой силой внутреннего убеждения, которая действует еще сильнее, чем сама истина.

Подобным образом говорить о Достоевском и Толстом! Это буквально сводило меня с ума. Но... Почему бы в конце концов и нет? Я уже и тогда подозревал, что самое драгоценное качество художника — это полная, абсолютная, бесстрашная независимость своих суждений. Ведь в конце концов тот же самый великий Лев Толстой совершенно спокойно, не считаясь ни с чем, подверг уничтожающей критике самого Шекспира, взявши под сомнение не только ценность его мыслей, но и просто-напросто высмеяв его как весьма посредственного, точнее никуда не годного сочинителя. А что сделал Толстой с Вагнером, с современными французскими поэтами, с великими Бодлером, Верленом!.. Уму непостижимо. Он даже и до Пушкина добирался в конце своей жизни. Добирался, добирался!

Ну и что?

Толстой остался Толстым, Шекспир Шекспиром, Вагнер Вагнером, Бодлер Бодлером. Все осталось на своем месте. Даже такому великану, как Лев Толстой, не удалось поколебать мировые струны.

Но это я понял гораздо позже, когда окреп сердцем и разумом. А в те дни со сладким ужасом слушал я слова моего учителя.

На мой вопрос о Скрябине, о его новаторской музыке, о его попытках каким-то образом соединить звук и цвет, о его странной оркестровке и небывалом контрапункте Бунин отозвался примерно так:

— Скрябин?.. Гм... Вы хотите знать, что такое Скрябин и что из себя представляет его музыка, например, «Поэма экстаза»? Могу вам рассказать. Представьте себе Большой зал Московской консерватории. Сияние люстр. Овальные портреты великих композиторов, громадный орган и перед ним симфонический оркестр — скрипки, пюпитры, ослепительные пластроны и белые галстуки музыкантов, каждый из которых в своей области знаменитость. Публика самая изысканная: великие московские знатоки и ценители музыки, курсистки, профессора, артисты, богачи, первые красавицы, офицеры — цвет московской интеллигенции. Легкий озноб ожидания. Зал наэлектризован. Сдержанное нетерпение доходит до высшей точки, но вот, вскинув фалды фрака, дирижер взмахнул палочкой, и началась знаменитая симфония — последнее, самое революционное слово современной модернистской, декадентской музыки. Ну-с... как бы вам описать эту симфонию наиболее популярно? Попробую. Итак, «ударили в смычки». Кто в лес, кто по дрова. Но пока еще более или менее общепринято, как и подобает в стенах знаменитой Московской консерватории. И вдруг совершенно неожиданно отчаяннейшим образом взвизгивает скрипка, как поросенок, которого режут: «И-и-ихх! И-и-ихх!» — При этом Бунин сделал злое лицо и, не стесняясь, завизжал на всю квартиру.— А потом взвился истошный вопль трубы...

— Иоанн, ты совершенно обезумел!— с ужасом воскликнула Вера Николаевна, вбегая в комнату и затыкая уши мизинцами.

— Это я популярно объясняю, что такое «Поэма экстаза» Скрябина,— сухо сказал Бунин, устремив на меня пронзительный взгляд.— А вы, конечно, в восторге от «новой музыки», как и подобает молодому современному поэту, поклоннику Достоевского и Леонида Андреева?

— Я никогда не слышал симфонических вещей Скрябина, но фортепьянные мне очень нравятся,— сказал я, желая быть независимым.

(Я даже собирался писать рассказ, где главное действующее лицо играет прелюдию Скрябина...)

Но, взглянув на Бунина, на мефистофельское выражение его геморроидального лица, неуверенно сказал:

— Но, конечно, можно, чтобы мой герой играл Грига...

— А может быть, Чайковского?— спросил Бунин с непонятной интонацией.

— Можно, конечно, и Чайковского,— сказал я.

— Вот-вот,— как-то вскользь, радостным голосом бросил Бунин.— Григ или Чайковский, грустная природа Левитана, мягкий юмор Чехова... Героиня, разумеется, бывшая актриса. Желтые листья. Одиночество. Акварельные краски...

И вдруг неожиданно:

— Андерсена любите?

— Н... да.

— Я так и предполагал. Вера, оказывается, он любит Андерсена. Теперь пошла мода на Андерсена. Или даже на Грина. Так вот, когда будете писать свой рассказ, то, кроме Грига, Чайковского, Левитана и Чехова, не забудьте Андерсена: упомяните как-нибудь бедного оловянного солдатика, обуглившуюся бумажную розу или что-нибудь подобное, если удастся, присоедините к этому какого-нибудь гриновского капитана с трубкой и пинтой персиковой настойки, и успех у интеллигентных провинциальных дам среднего возраста обеспечен. О нет, вы напрасно улыбаетесь, милостивый государь. Именно эти дамы — поклонницы Грина и Грига — делают писателю славу, создают репутацию почти классика. Поверьте травленому литературному волку. Вы еще меня вспомянете не раз. Ах,— вдруг сказал он без всякой видимой связи,— да в этом ли дело? Самое главное, научиться писать просто.

— Вы ли пишете не просто?— воскликнул я.

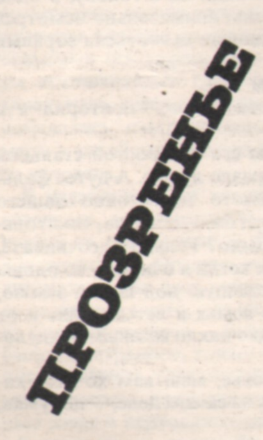
— Нет, не то. Не так. А совсем, понимаете ли, совсем, совсем просто. Уж чтобы проще некуда! Существительное, глагол, точка, ну — может быть!— самое необходимое придаточное предложение, по-детски ясное. Как басня. Как молитва. Как сказка. «Случилось соловью на шум их прилететь». «Ворона видит сыр, ворону сыр пленил». А может быть, и так: «Сказка о козе».

И начал как-то зловеще, таинственно, глухо:

«Эти волчьи глаза или звезды — в стволах на краю перелеска? Полночь, поздняя осень, мороз. Голый дуб надо мной весь трепещет от звездного блеска, под ногою сухое хрустит серебро. Затвердели, как камень, тропинки, за лето набитые. Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней Коза! Расцветают, горят на железном морозе несытые волчьи, божьи глаза».

Здесь, конечно, тоже была простота, но совсем не та, о которой только что говорил Бунин: не басня или молитва, не сказка, а нечто вроде притчи. Скорее всего видение. О Козе и Волке, Коза и Волк с большой буквы. Страшное пророческое видение — притча, написанная серебром на черно-вороненом, уже почти зимнем небе: голый дуб, трепещущий от звездного блеска, и под ним одна, одна, совершенно одна, до ужаса одна, отбившаяся в эту морозную полночь коза: старая, со впалыми, жесткими боками, русская нищая коза с мудрым, иссохшим, истерзанным лицом Ивана Бунина, с исплаканными глазами великомученицы и в то же время великой грешницы, блудницы, не имеющей силы отвести взоров от карающих божьих глаз, которые расцветают, грозно горят на железном морозе, словно глаза какого-то древнего, мерцающего инеем волка-оборотня, и этот поджарый, щелкающий желтыми зубами волк есть в то же время как бы еще одно, новое, воплощение Бунина — одновременно и Козы с глазами Будды и Волка, и жертвы, и узкобородого палача в длинной до земли солдатской шинели, и дьявола, и бога.

Андраш МЕЗЕИ

Я знаю путь.
Я, зрячий, шел им с вами.
Вот и теперь,
Уже полуслепой,
Но с широко
Открытыми глазами,
Иду вперед я
По дороге той.

С нее, друзья,
Сойти нельзя.

Зрачки машин
Над смутностью кюветов,
Их красный свет,
Что гаснет впереди,
Похожи на летящие планеты
В седом тумане
Млечного Пути.
С него, друзья,
Сойти нельзя.

В мои глаза,
Смотрящие чуть выше,
Глядите вы,
И слышу я «шу-шу»:
Как я, слепой,
Свою дорогу вижу,
Как я, слепой,
Без палочки хожу?!
Я знаю путь,
Он жизни суть.
В моих глазах
Нет прежнего горенья,
Зато в душе
Все тот же вечный свет,
Который так светил мне
Много лет,
Что вместо зренья
Родилось прозренье.

Перевел с венгерского
Вас. Федоров.

«ПЫЛАЮЩЕЕ КОПЬЕ»

У наемников, летевших из Южной Африки в Конго, была лишь одна специальность — убивать. Сосед по креслу говорил ему: «Я органически не могу выносить цветных, а особенно негров. Если я увижу стадо обезьян и толпу негров, то я начну стрелять сначала в негров».

А до этого было экваториальное солнце, слоновая трава, тропическая лихорадка. Он прошел вместе с партизанами через джунгли Анголы.

Нет, это не фрагменты из сценария приключенческого фильма, а некоторые эпизоды из жизни советского журналиста Михаила Домогацких.

Тринадцать лет М. Домогацких представляет за рубежом газету «Правда». Он всегда там, где идет напряженная борьба, чтобы по праву очевидца рассказать советским читателям о важнейших событиях. И часто герои очерков и книг М. Домогацких не выдуманные фигуры, а его близкие друзья. Недавно вышла в свет новая книга Михаила Домогацких — «Пылающее копье». Она посвящена героической борьбе африканцев за свободу и независимость.

Освобождение Африки еще не завершено. Южная Африка, Ангола, Мозамбик, Родезия — это резервации, тюрьмы и каторга для 30 миллионов африканцев. «Но всю землю нельзя опутать колючей проволокой. Нельзя это сделать и с народом, который живет на этой земле» — пишет Михаил Домогацких.— Собирается огромная сила, зреет ненависть против угнетателей.

Книга состоит из семи мастерски сделанных журналистских зарисовок, похожих на кадры документального кино. Текст хорошо дополняют выразительные документальные фотографии автора.

Книгу «Пылающее копье» выпустило издательство «Детская литература», но прочитают ее все: и дети, и взрослые, и ученые-африканисты.

С. КАПЕЛУШ

РАЗДУМЬЕ

«Августовская синь» — новая книга поэта Гарольда Регистана. Родина, Советская Россия — вот основной лейтмотив его стихов:

Мне всегда о ней хотелось петь,
Петь, чтоб даль от песни раскололась.
Но не всем даны труба и медь —
У меня совсем негромкий голос.

И не в степь иду я, а в лесок,
Потому что там слышнее птицы.
Не хлеба пою, а колосок,
Поднятый счастливой ученицей.

Стихи Гарольда Регистана сильны тем сложным внутренним образом, когда поэтическая речь лишена каких-либо внешних украшений и покоряет сердце читателя исключительно силой чувства и мысли. Этот органический сплав мыслей и чувств — одна из самых сильных сторон поэзии Г. Регистана. Большинство удачных его стихов — лирические раздумья, каждая строфа в которых несет определенную философскую нагрузку. И в то же время стихи по-настоящему эмоциональны.

Поэзия, великая река,
Твоя волна через века стремится.
Как мне понятно счастье ручейка:
Не раствориться,
А с тобою слиться.

Стихи Г. Регистана неразрывно связаны с его жизнью и биографией. Перед нами встает не какой-то абстрактный лирический герой, а живой человек со всеми своими ежедневными радостями и горестями, со своими раздумьями, нелегкими и порой беспощадными к самому себе.

Но иногда эта беспощадность доходит до крайности, до некоторого позерства, когда поэт как бы любуется своей грустью о прошедшем. В большинстве стихов сборника столько молодой влюбленности в жизнь, в этот мир и землю, что подобный перехлест явно дает о себе знать.

Удачны стихи поэта о природе, лирические акварели, песенная лирика. (Такие песни поэта, как «Сероглазая», «Огонек», «Гульнора», «По ночной Москве», полюбились и запелись в народе.)

Зрелость поэта — пора расцвета духовных сил. Думается, что Г. Регистану, вступившему в эту пору, многое еще предстоит сделать в поэзии.

Иван ХАРАБАРОВ

Гарольд Регистан. Августовская синь. Издательство «Советская Россия», 1966 г.

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Творчеству Игоря Грудева присущ своеобразный жанр лирической миниатюры. Поэт не изменяет своей творческой манере и в этом сборнике, особенно в первом разделе. В стихах этого цикла, как в кремне, скрыты искры радости и гнева, любви и печали.

Можно порадоваться и подивиться свободе, с которой автор вводит в свои новые стихи всю многоликую современность. Почти все миниатюры сборника — разные по темам, образам, ритму — пронизаны дыханием нашей земли.

Прикасаясь к поэтическому искусству Грудева, легко заметить, что он чужд каких-либо формальных поисков. Поэт более надеется на убедительность найденных им ситуаций, на внутренний и откровенный смысл слов, чем на формальные изыски.

Чувства лирического героя Грудева, как правило, истинны. А истинные чувства, как известно, немногословны. Отсюда простота стиха при внутренней полноте и глубине чувств. Поэт скуп на слова и поэтому выбирает из них наиболее весомые, такие, которые передают мысль в образе. Он пишет без неумеренных восторгов, без восклицательных знаков, без напыщенных фраз. Пишет экономно, поэтично и всегда по-своему:

Да, в кузне
Хрупкому —
конец печальный...
Но если сталью
Раскаленной лечь,
То между молотом
И наковальней
Родиться может
меч...

Из сказанного вовсе не значит, что Грудев во всем достиг успеха. Не всегда ему удается избежать банальных выражений, стертых эпитетов. На некоторых стихах лежат следы спешки. Рядом с превосходными лирическими миниатюрами встречаются и поэтические безделушки. Автор, видимо, не произвел строгого, по-настоящему взыскательного отбора стихотворений в новую книгу.

М. ЛАПШИН

Игорь Грудев. Гроздья. Издательство «Советский писатель», 1966 год.

ВЫДУМКИ И ФАКТЫ

Бертольт Брехт. Кто не знает сейчас этого имени? Кого не волнуют его пьесы?

Выступив на литературной арене в канун Ноябрьской революции 1918 года в Германии, Брехт через десять лет, в пору создания «Трехгрошовой оперы», был уже одним из самых оригинальных немецких драматургов. Через двадцать лет появляются его шедевры «Матушка Кураж и ее дети» и «Жизнь Галилея». Плодотворность брехтовских поисков «эпического театра» становится неоспоримой. Через тридцать лет, вернувшись из антифашистской эмиграции, Брехт создает театр «Берлинский ансамбль». Слив воедино дарования драматурга, режиссера и педагога, писатель-революционер реализует на сцене свои новаторские творческие идеи.

Когда в августе 1956 года демократическая Германия хоронила Б. Брехта, она знала, что из жизни ушел блестящий талант, борец за социальную справедливость, один из величайших национальных немецких писателей XX века. Мировой триумф его искусства — это один из триумфов искусства социалистического реализма.

Интерес к Б. Брехту в Советском Союзе бесспорен. Люди смотрят его пьесы, читают его книги. Они хотят познакомиться и с жизнью писателя. Это желание заставляет обратиться к написанной Л. Копелевым биографии Брехта. Книга читается легко. Мелькают эпизоды из жизни писателя, представление о нем обрастает конкретными фактами. Но вскоре появляется неприятное чувство: нет, это не тот Брехт, который знаком по пьесам и стихам. Неужели знаменитый поэт принадлежит к тем, кто тайком попивает винцо, проповедуя публично воду? Читатель понимает, что Л. Копелев вольно обращается с Брехтом, навязывает факты на предвзятые идеи. И вообще, главное в этой книге не Брехт, а биограф. Напрасно искать в ней факты, раскрывающие логику творческого развития Брехта, ответ на вопрос, как писатель пришел к социалистическому реализму, как он боролся за утверждение принципов социалистического искусства.

В книге Л. Копелева много такого, что уже давно известно,— от анекдотов до подлинных фактов и пересказов произведений. Гораздо менее надежно то, что впервые приводится Л. Копелевым. Доселе неизвестное нередко вызывает сомнения, ибо противоречит уже известному. Не мог Брехт смотреть в театре пьесу Фейхтвангера «Еврей Зюсс», ибо она существует лишь в рукописных набросках, на основе которых потом был создан одноименный роман. С удивлением узнает читатель, что «Висантасану» написал не древнеиндийский поэт Шудрака, а Фейхтвангер, который в действительности сделал для театра вольный перевод этой пьесы, так же как и эсхиловских «Персов» и аристофановского «Мира». Читатель прочтет красочное описание того, как Спартаковский союз «сливается с новообразованной коммунистической партией», хотя в любой энциклопедии можно удостовериться, что Компартия Германии была создана по решению Всегерманской конференции «Союза Спартака», организовавшего Учредительный съезд КПГ. Читатель будет досадовать, глядя, как автор обсаживает липами неведомые улицы Аугсбурга, в то время как в книге не нашлось места, чтобы рассказать об участии Брехта в ряде важных эпизодов революционной борьбы, в том числе в политической кампании против суда над И. Р. Бехером, в движении протеста против ареста Людвига Ренна.

Биограф слишком много додумывает сам. Придумывает и забывает. И получается, что в первом абзаце книги бежит «узкая быстрая речка Лех». Через сотню страниц воды Леха покрываются зеленью, и на странице 367-й мы видим уже «тихое течение Леха». Нельзя не согласиться с философским замечанием Л. Копелева, что «непрерывно вечное движение жизни». Но скоротечность этого движения в его книге поражает.

Здесь не место вдаваться в подробный филологический анализ книги. Но об одном нужно сказать. В написанном до сих пор о Б. Брехте есть существенный пробел. Это страницы его жизни и творчества, связанные с Советским Союзом. Вполне естественно было ожидать, что эти пустующие страницы заполнит Л. Копелев. Но этого не случилось. Биограф познакомился с ограниченным количеством документов, не собрав даже того, что опубликовано. Вместо достоверных сведений читателю преподносятся придумки биографа.

Книга Л. Копелева уже вызвала отклики в печати. В журнале «Знамя» (1966, № 9) напечатана обстоятельная рецензия А. Дымшица. В ней сказана горькая, но неоспоримая правда: Л. Копелев не справился с делом, за которое взялся. Это суждение подтверждено множеством доказательств, число которых может быть значительно увеличено.

Появилась и коротенькая рецензия Т. Мотылевой в «Новом мире» (1966, № 12). В этом отклике имеется оговорка, что, «вероятно, специалисты по творчеству Брехта могли бы отметить те или иные пробелы как недостатки в новом жизнеописании немецкого драматурга». Т. Мотылеву еще можно было бы понять, если бы она защищала право на выдумку. Но рецензент восторгается «тактом и достоверностью» работы Л. Копелева. Как видим, напрасно. Книга Л. Копелева «Брехт» в целом не дает верного и точного представления о жизни и творчестве выдающегося немецкого писателя.

С. РОЖНОВСКИЙ,
кандидат филологических наук

Лев Копелев. Брехт. («Жизнь замечательных людей».) Издательство «Молодая гвардия», 1966 г.

Лев КОКИН

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

МАССОН, СЫН МАССОНА

I

Летом отец увозил сына за город, они вдвоем бродили по степи, собирали коллекции жуков, растений. Отец учил сына читать книгу природы. Сам он умел удивительно сочетать книжную премудрость с приметливостью натуралиста. Жуки, растения, животные, их следы, сохранившиеся в почве, служили ему указками. Когда-то отец учился на инженерно-строительном факультете. Теперь, раскапывая какое-нибудь древнее поселение, он мог отличить квартал металлистов от квартала гончаров не только по форме печей, но по растительному покрову в лежащих выше слоях почвы. Археолого-биологические пробы стали его методом. На городищах древней Нисы, не прибегая к раскопкам, ему точно удалось указать, как шла крепостная стена. Он определил это по отсутствию растительности над нею.

Плюс к тому профессор Михаил Евгеньевич Массон, естественно, читал по-латыни и по-гречески, на фарси, по-арабски и еще на других европейских и восточных языках. Но умел обращать молодежь в «свою веру» не только эрудицией — увлеченностью. После вводной лекции профессора Массона в кружок археологов записывалось человек по двадцать. Другое дело, что затем становились археологами по одному из пятерых: профессия не для слабых.

Может быть, никого так не старался обратить в свою веру профессор, как родного сына. И это ему удалось. Удалось после экспедиции за Нису, на раскопки древней столицы античного Парфянского царства.

II

Подземный толчок, положивший начало ташкентскому землетрясению, долгому и разрушительному, разбудил жителей города 26 апреля в 5.23 утра. Профессор Михаил Евгеньевич Массон проснулся несколько раньше: привычка рано вставать с годами превратилась в потребность. В 5.24 профессор поднял с постелей своих домашних. Деловито сообщил о слышанном непосредственно перед толчком подземном гуле и велел, в случае если гул повторится, всем немедля вставать в дверные проемы, указав, кому куда становиться.

Самый факт землетрясения в зоне сейсмической активности не вызвал у профессора особого удивления. Для специалистов-сейсмологов, возможно, оно и оказалось неожиданностью, поскольку они не знали истории. Зинзиля здесь были и будут — профессору почему-то нравилось называть землетрясение таджикским словечком,— в том числе и такие, очаг которых в Каржантауском разломе, под центром Ташкента. На память профессору приходили слышанные и читанные когда-то описания зинзиля столетней давности. Все, что он припомнил, имело, по мнению профессора, прямое касательство к обсуждавшимся планам восстановления Ташкента. Собранные им факты могли помочь верно ответить на главный вопрос, где и как строить город.

За долгую жизнь в науке, с того знойного самаркандского лета, когда 15-летним мальчишкой он пришел на раскопки Афрасиаба, профессору археологии Массону приходилось заниматься самыми разнообразными делами.

Как подобает истинному археологу, он копал античные и средневековые памятники на Афрасиабе и в Термезе, на Нисе и в Мерве... Но помимо того, он писал для медиков об истории зобной болезни. Для географов — о колебаниях на протяжении веков поверхности горного озера Иссык-Куль. Для военных — историю переправ через Аму-Дарью. Для метеорологов — историю климата в Средней Азии за 700 лет, используя для этого массу источников — от житий святых до дендрологических срезов. На сессии института коневодства Массон докладывает о происхождении локайской породы лошадей. Такая лошадь была у него под седлом в экспедиции и две недели лазила по горам. В 30-х годах археолог Массон указал геологу Наследову районы, где следовало искать золото в Средней Азии,— он вычитал о них в старых книгах. В 1942-м, когда ртутные рудники в Донбассе оказались за линией фронта, профессор-археолог вспомнил, что ему встречались упоминания о древних выработках, и после трех недель розысков подал в Геолком докладную: ищите ртуть под Бухарой. Он составляет историческую справку о разрабатывавшихся в прежние времена месторождениях съедобных и стиральных глин в Узбекистане и о былых заменителях свекловичного сахара и чая — в условиях военного времени эти сообщения имели практический интерес.

Никогда он не считал археологию наукой, замкнутой в прошедшем. Изучая следы давней деятельности человека, археолог добывает знание. Возможно, многое из того, что удавалось сделать старшему Массону, следовало бы называть прикладной археологией. Ну, а сын, что сделал его сын?

III

Джейтун, Джейтун! Песчаные бури на несколько дней загоняли людей в душные, наглухо застегнутые палатки. Лавины песка заметали раскопы, так что по нескольку раз приходилось откапывать одни и те же места. Люди каменного века не знали железных изделий, даже тупых, как у археологов, ножей, но жили они в лучших условиях, чем археологи,— в прохладных глинобитных домах на краю древней дельты ручья.

Никогда еще столь древнего поселения оседлых людей-земледельцев не находили на территории СССР. Да и на всем Ближнем Востоке — этой колыбели цивилизации — подобные памятники можно пересчитать по пальцам. Иерихон в Палестине, Джармо в Ираке, еще два-три поселка в Египте и Турции. Открытие неолитического Джейтуна намного расширило «колыбель цивилизации», включив в нее Закаспийский край. Это слово — «Джейтун» — теперь известно археологам и историкам древности во всем мире и связано с именем Вадима Массона — Массона-младшего. «Тот, который раскопал Джейтун»,— говорят о нем. Его заслуга в том, что он не только выделил неизвестную до сих пор культуру, но и сумел показать ее место в предыстории человечества.

...Докторская диссертация Массона-младшего называется «Древнейшее прошлое Средней Азии (от возникновения земледелия до похода Александра Македонского)». Но как ни длинно название, период, о котором идет речь, куда длиннее. Он охватывает пять тысяч лет. При защите между оппонентами произошло нечто вроде естественного разделения труда. Один из уважаемых профессоров разбирает книгу «Средняя Азия и Древний Восток», где диссертант повествует о появлении раннеземледельческих культур и их расцвете. Другой оппонент рассматривает другую эпоху — разложение первобытнообщинного строя и образование раннеклассового общества: этому посвящена другая книга Массона — о древней культуре Маргианы.

Тридцати трех лет от роду Вадим Массон становится доктором исторических наук. Это возраст Иисуса Христа и Ильи Муромца. Говорит ли он о молодости новоиспеченного доктора? Математик, не заявивший о себе к тридцати, едва ли сделает что-либо существенное в науке. Историк, заявивший о себе к тридцати, обещает стать интересным ученым.

Вадим Массон подходит к памятнику с крупномерной линейкой. Его интересует, если можно так выразиться, история доисторических времен. И он изучает ее планомерно, целеустремленно, обдуманно, эпоху за эпохой, тысячелетие за тысячелетием, не всегда в строгой последовательности, но стараясь не повторяться. Чтобы изучить эпоху, надо знать материал:

Профессор Михаил Евгеньевич Массон, научный руководитель Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Крылатый амур — серебряная фигурка из сокровищницы Старой Нисы, столицы Парфянского царства (II век до нашей эры).

В лагере ветер. Раскопки Алтын-тепе (1966 год нашей эры).

Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция. Поиски и находки.

Нерасписная посуда, изготовленная на гончарном круге за две тысячи лет до нашей эры. Найдена при раскопках Алтын-тепе.

Средневековый штампованный сосуд из Старого Мерва (XI век нашей эры).

Серебряная с позолотой статуэтка сфинкса из царской сокровищницы в Нисе (II век до нашей эры).

Мраморная головка богини Афродиты.

Печать в виде фантастического трехголового зверя, найденная при раскопках кургана Алтын-тепе. Ученые относят ее к концу III — началу II тысячелетия до нашей эры (что означает примерно 4 000 лет до наших дней).

ведь он археолог. Для него узнать означает не только прочесть. Не только прочесть, запомнить, осмыслить. Но увидеть, потрогать, самому откопать. Вадим Массон копал неолит (Джейтун). Копал раннемедный век — энеолит (Кара-тепе). Он копал позднюю бронзу и раннее железо (Мисриан, Маргиана). Копал античность (Нису) и средневековье. Не найдя в Средней Азии памятников древнекаменного века, уже будучи доктором наук, он отправился в Красноярскую экспедицию стажером — смотреть, как копают палеолит. Лишь эпоха позднемедного века и бронзы — меж Кара-тепе и Маргианой — оставалась во многом загадкой. Не для него одного. Это ощущалось как пробел в среднеазиатской археологии.

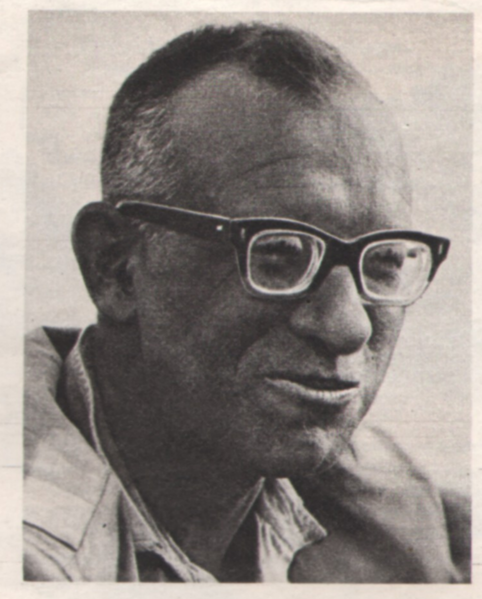
Для Массона раскопки Алтын-тепе — Золотого холма близ иранской границы — путешествие как раз в ту эпоху, которой не хватало науке.

IV

Сын приехал к отцу, начальник Каракумского отряда к начальнику Южно-Туркменской экспедиции, доктор исторических наук Массон к доктору исторических наук Массону. Младший доложил старшему об Алтыне, и старший живо расспрашивал его: от этого памятника можно многого ожидать. Потом старший стал рассказывать младшему о Китабе, о своей 78-й экспедиции, в которую собирался ехать, о необычном слоеном земляном пироге, «прочитанном» с помощью жуков и моллюсков, где под городом XVIII века Китабом, что возле города Шахрисябза, близ которого в XIV веке родился Тамерлан, лежит раннесредневековый город Кеш, а под этим городом Кеш лежит древний город Ксениппа, упоминаемый при Александре Македонском. Впрочем, нет, сначала отец все-таки рассказал не о Китабе, не о Кеше, не о Ксениппе — рассказал о з и н з и л я: «Я своих поднял, велел, если гул повторится, всем немедленно встать в дверные проемы. А кругом, знаешь ли, крик! Ну, а я побрился и сел работать. Ты же знаешь, я привык рано вставать...»

V

Воскресным утром в лагерь к археологам Массона-младшего пожаловали гости—школьники и учителя во главе со старым завучем Кулиевым. Вадим Массон встретил гостей, проводил по раскопкам, объяснил что к чему. Желающим роздали лопаты. Над старым Алтыном вспухли будничные султаны пыли — ребят поставили на откидку земли.

Вадим Михайлович Массон.

К полудню большая палатка превратилась в лекционный зал. Спустившиеся с холма гости рассаживались рядами, как перед фотографом на групповом снимке, когда надо уместить в кадре как можно больше народу. Впереди — полулежа, затем по-турецки, дальше — на скамейках и, наконец, последний ряд — стоя. Все, как один, были смуглы, черноглазы, с прямыми иссиня-черными волосами. Археологи заняли табуретки напротив — лицом к гостям. Рядом с Массоном посадили завуча Кулиева. Приподняв тюбетейку, завуч отер платком бритый череп и по-туркменски представил Массона.

Массон, поднявшись, заговорил по-русски. Кулиев переводил. Массон мог бы и по-туркменски, но завуч несколько по-своему растолковывал слова Массона, памятуя, во-первых, что повторение — мать учения, а во-вторых, расставляя собственные педагогические ударения.

Когда Массон представил гостям участников экспедиции, завуч сказал: «Перед вами доктор Массон и кандидаты наук, которые скоро будут докторами. Учитесь у них!» Когда Массон заговорил о скромности великого шейха Абу Саида, средневекового ученого, поэта, политика, то завуч сказал: «Великий Абу Саид был противником культа личности».

— Восемь-семь тысяч лет тому назад на туркменской земле появились небольшие поселки первых земледельцев,— говорил Массон.— Люди жили в однокомнатных домиках, отапливали их массивными очагами. Разводили скот, сеяли пшеницу, ячмень. При раскопках найдены древесные угли — в поселках рос карагач, тополь. Воду жители брали из горных речек. Орудия делали из камня, из кости, постепенно осваивали выплавку меди. К IV тысячелетию до нашей эры складываются крупные поселения, такие, как Алтын. Двенадцать тысяч человек жило здесь! Большие, многокомнатные дома сомкнутыми рядами выходили на край поселения, затрудняя доступ непрошеным гостям. Здесь жило много мастеров-ремесленников. Их дома и мастерские занимали целые кварталы.

Гончары изготовляли посуду, пожалуй, разнообразнее той, которую употребляют современные люди,—продолжал Массон.—Мастера-металлурги, предварительно сплавив с медью немного свинца или мышьяка, ковали бронзовое оружие, украшения, чаши. Камнерезы делали сосуды, бусы из бирюзы и халцедона. Плотники сооружали повозки, в которые потом запрягали верблюдов. Развивалась торговля... Поселение постепенно превращалось в город, но, по-видимому, так и не стало им. На пороге классового общества, в середине II тысячелетия до нашей эры, эпоха расцвета кончилась: по неясным пока причинам жители покидают Алтын...

Когда завуч Кулиев разрешает задать вопросы, поднимается и быстро говорит по-туркменски чернявый, как все, паренек Курбандурды. Ему непонятно.

— Вот вы приехали на наш Алтын из Москвы, из Ленинграда. Зачем было ехать так далеко?— спрашивает он.

Ответ Массона абсолютно серьезен:

— Когда был Алтын, ни Москвы, ни тем более Ленинграда еще не было.

Москвы еще не было, Ленинграда не было. Ашхабада не было. Тегерана тоже не было. И Парижа тоже еще не было. И Рима не было. Алтын был!

Понимаешь, Курбандурды?

БИОЛОГ ПРОНИКАЕТ В ПОДЛЕДНОЕ ЦАРСТВО

На ледяных просторах Антарктиды, недалеко от южнополярной обсерватории Мирный, прогремел взрыв. В воздух взлетели ледяные глыбы... Это биологи Евгений Грузов, Михаил Пропп и Александр Пушкин пробивают себе ворота в подледное царство Антарктики. Они взрывают ледяную толщу, чтобы затем, облачившись в резиновые гидрокостюмы, нырнуть в морскую пучину и там исследовать фауну и флору.

Советские ученые — пионеры подобной биологической экспедиции. Каждое погружение под лед и воду требовало исключительно точного расчета и осторожности. Подводное путешествие в общей сложности занимало минут семьдесят. Советские ученые более ста шестидесяти раз опускались под лед и сделали немало важных открытий. Так, например, в нижней части двухметрового льда обнаружены живые организмы — мощный слой диатомовых водорослей. Биологи привезли из Антарктики большую коллекцию фауны — губки, кораллы, морские звезды, ежи. Все это обогащает представление науки о ледовой микрофлоре и фауне.

К. КОНСТАНТИНОВ, собкор «Огонька»

Биолог А. Ф. Пушкин собирается в подводное путешествие.
Фото М. Проппа.

ИДЕТ СНЕГ

Сергей БАРУЗДИН

Рассказ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

* * *

Это рассказ не для детей. Дети не любят, когда им рассказывают о детях. Дети любят, когда им рассказывают о взрослых. О тех взрослых, которыми они хотят стать сами...

Это рассказ не для взрослых. Взрослые не любят, когда им рассказывают о детях. Не любят, потому что они сами были детьми, о чем, правда, они забыли. Не любят и потому, что они сами ныне папы, мамы, бабушки и дедушки. Ну, а раз так, то они взрослые, и они не любят, когда им, взрослым, напоминают, какими они были...

Это рассказ о зиме.

И просто о том, как идет снег.

И еще о человеке, о парне, о мальчишке одном, который начал что-то понимать, пока шел снег.

* * *

Ели и сосны — все в снегу. Лапы хвои поникли под снегом. На каждой лапе — сугроб. Пусть небольшой, но сугроб. Свалится — собаку завалит. Человека окунет, отрезвит, испугает.

А что, если в одно время с каждой лапы такой сугроб свалится? С пяти-шести веток сразу? Как сейчас, когда белка, пушистая, юркая, похожая мордой на крысу и лишь телом и хвостом на благородное животное, совершила три воздушных прыжка с сосны на ель и с ели на сосну и опять на ель и отряхнула снег сразу с нескольких деревьев?

Белка смеется, уцепившись за мохнатую ветку. Смеется, смотрит вниз испуганными вроде бы глазками, а сама довольна. Удрала! От кого только? От людей, что ли?

Но люди не обижают белку. Это, может быть, где-нибудь в Сибири или на Урале, а у нас, под Москвой, не обижают. И, право, что с нее взять, с белки! Так, для забавы разве поймать и приютить дома. Но зачем?

Белка стряхнула снег с сосны, еще посмотрела вниз, потом вдруг вверх. Там вороны пронеслись с диким надрывным карканьем — одна за другой, одна за другой, сразу шесть молодых поджарых ворон. Нет, это ее, пожалуй, не касается. Пусть себе дурят, эти вороны, если им нравится!

С ревом пронеслись подряд несколько самолетов. Видимо, объявили погоду, и Внуково выбрасывало рейс за рейсом.

Белка встрепенулась, взглянув и на первый, и на второй, и на пятый, и перестала глядеть в небо. Когда она родилась, самолеты уже давным-давно летали над ее головой, и она к ним привыкла.

Мордочку почистила белка, отряхнула снежок с хвоста и уши почистила, потом опять взглянула вверх.

Идет снег. Идет и сыплет крупными хлопьями на беличью шкуру. А зачем? Конечно, зима — хорошо! Но когда и так много снега, зачем?

* * *

Снег идет.

И человек шел. Просто так шел по дорожке, поплевывая и не обращая внимания на снег.

— Ну, как ты? Здравствуй! — встретил я человека.

Человек смутился. Видно, не ожидал.

— Здравствуй, тезка!

Опять молчит человек.

— Здоро́во, тезка! Что ж ты молчишь? — повторил я.

Услышал человек «здоро́во» и сразу откликнулся:

— Здравствуйте!

Таким извиняющимся тоном откликнулся и вновь сказал:

— Здравствуйте, а я...

Мой тезка — Сережка, сосед мой, сколько лет я знаю тебя!

Мы поговорили и о том и о сем, как говорят случайно встретившиеся люди, даже ровесники.

— Снег идет,— сказал под конец Сережка.

— Идет,— поддакнул я.

— Пропади пропадом,— буркнул Сережка.

— Почему? — не понял я.

И подумал: «Что ж это я? Я знаю тебя сто лет! Со дня рождения знаю! Тебе сейчас четырнадцать... Нет, скорей, пятнадцать... Да, пятнадцать, в сентябре пятнадцать стукнуло...»

— Опять лопатой грести. Мать заставит! — произнес Сережка.— Надоело! Уж лучше...

— Что лучше?

— А вообще-то, конечно, зима,— сказал Сережка.— Зима! Ничего не поделаешь!

— Зима. И верно, зима,— подтвердил я.— А ты...

Мы поругались с Сережкой.

Здорово поругались.

Бывает же так, что и не стоит ругаться, а сдержать себя не можешь — ругаешься.

* * *

Теперь уже вороны, переругавшись, затрясли лапы елей и сосен. А снег все идет, и, пока вороны спорят, снег спокойно выполняет свое дело. Стряхнули вороны снег с одной лапы, он ложится на нее. Стряхнули с другой, освободилось место, он и туда ложится. Так то поднимаются — без снега, то опускаются — под снегом лапы елей и сосен. Вздрагивают, как бы тревожась, и опять клонятся книзу.

А там, под елями и соснами, сыплет и сыплет снег. К коре деревьев пристает малыми и большими сугробиками. На пеньки ложится, на провода электрические, на карнизы и даже на рамы окон. Там — кучка, там — кучка побольше, а там, глядишь, и настоящий сугроб вырастает.

На изгороди забора нашего пристроились огромные снежные шапки. И на футбольных воротах, что ребята построили, шапка не шапка — целый снежный мохнатый воротник. И на лавочках-скамейках и на самодельных столиках лежит снег. Как только его эти чахлые столики, которые и летом-то качаются, выдерживают?

Крышу завалило чуть ли не на полметра. По краям крыши свисает снег причудливо и хитро: вот-вот упадет! А глядишь, не падает. Держится!

Зато на телевизионной антенне и на трубе, как ни старается, не держится снег. Чуть ветерок подул — слетит. Но не низко, а все на ту же крышу. Там и ложится вместе с другим снегом, там и лежит — блаженствует, поскольку тут, на крыше, его уже никто не тронет до самой до весны, до оттепели.

* * *

А я, верно, знаю Сережку сто лет. Со дня рождения! Помню его, плачущего по ночам. Помню в болезнях: корь, ветрянка, скарлатина, гриппы. У кого этого не бывает! Помню отданного в ясли, а потом в детский сад.

И маму его, мать, знаю с тех лет.

Мать Сережкина тогда маялась, как, впрочем, мается и сейчас. Но тогда это было как-то оправданней...

Она, мать его, войну прошла с сорок первого до сорок пятого. Прошла хорошо, честно, награды имеет, но не носит их.

Три ранения, две контузии. И ни одной любви! Ни одной! Может быть, потому, что совсем девчонкой была: ушла на войну — семнадцать, вернулась — двадцать один. Сейчас это кажется забавным, что двадцать один — много. Тогда казалось — много. И она отбивалась от встреч со знакомыми и незнакомыми мужчинами, ибо ей все казалось, что они мальчишки, слишком мальчишки.

Сейчас она думает — я знаю, что думает так! — вернуться бы к тем годам, когда тебе двадцать один или хотя бы двадцать пять. Ведь это как-никак молодость была, а ее — увы! — сейчас не вернешь. А все хорошее, что не возвращается, с годами оборачивается воспоминаниями, болью...

И, наверно, любви у нее так и не было. Был человек, старый фронтовой товарищ, которого она встретила через пять лет после окончания войны. Встретила случайно в автобусе, когда ехала домой с работы. Он стал отцом Сережки. Отцом, который не видел его, родившегося, ни разу в жизни.

Я помню, как маленький Сережка спрашивал меня:

— А ты — отец? У тебя же есть дети!

— Отец, у меня есть дети.

— А почему у меня нет?

Я шутил:

— Вот вырастешь, будешь отцом...

— У меня отца почему нет? — повторял Сережка.

Он, наверно, и мать об этом не раз спрашивал.

Сейчас вырос, не спрашивает.

«Снег идет... Опять лопатой грести. Мать заставит!.. Уж лучше...» — говорит сейчас Сережка.

Ну, а что, в самом деле, лучше?

Мать у тебя есть, хорошая мать, которую ты любишь. И какая мать! Им, таким матерям, памятники надо ставить!..

И вот снег идет. Идет снег! Подумай!..

* * *

Под снегом уже и земли давным-давно не видно, а на снегу чего только не увидишь.

Может быть, конечно, где-то в других подмосковных лесах и лося можно увидать, и кабана, и лисицу, и волка, и рысь, и даже тигра, удравшего из зоопарка, но у нас такого не водится.

Зато у нас под окнами дома на снежной целине появляется с соседнего участка Тобик — странное визгливое сочетание пойнтера и дворняжки. Не скажу, чтобы Тобик был моим приятелем. Скорей, наоборот, он облаивает меня последними словами и, по-моему, ненавидит лютой ненавистью, когда рядом со мной нет моего пса — моего Тюльки.

Когда Тюлька тут, то он тоже осваивает снежную целину и молчаливо-радостно играет с визгливым Тобиком. Но сейчас его нет. Он болеет чумкой, он сидит дома, в Москве. И, ясно, Тобик возмущен.

Тобик сделал уже двадцать подходов к нашему дому, десятки виражей, совершил сотни прыжков, облаял меня, как мог, и, наконец, видимо, поняв, что его не обманывают, начал дико и яростно кататься по снегу. Визжа и лая, он вдруг устал, прыгнул через устроенный мной искусственный сугроб на расчищенную дорожку и вместо привычного Тюльки облизал меня. Облизал, отскочил в сторону и начал лизать языком снег, пушистый, белый, сыпавшийся с неба и хвойных веток.

* * *

Вечером я вижу, как Сережка разгребает снег возле своего дома. Вернее, сначала слышу голос его матери, который зовет сына, потом скрип лопаты. Это уже он, оторвавшийся откуда-то, от более интересных дел.

Сережка борется со снегом молча. Ни слова матери. Только лопата его скребет. И еще тяжелое дыхание.

А голос матери я слышу:

— Вот и хорошо, родной. А я пока ужин приготовлю.

И в голосе этом есть что-то виноватое, а может быть, это мне просто кажется.

Я возвращаюсь домой и смотрю на Сережкин рисунок.

Он висит у нас вот уже лет десять, окантованный, под стеклом. И прежде и сейчас — настоящее произведение искусства. Так мы считаем с женой, до сих пор считаем, хотя и привыкли к этому пятнышку на стене. И вспоминаем часто лишь тогда, когда приходят люди. Они удивляются и не верят, что это нарисовал пятилетний мальчик в детском саду.

Белая березка на синем листе бумаги. Поникшие ветки. Ствол с черными крапинками. Желтые мазки — листья, летящие с веток. И четыре белых облачка наверху, белых, как снег, идущий сейчас. Право, удивительно!

А это Сережка. Это его работа. Мать его тогда заболела, попала в больницу, и мы с женой приютили Сережку на субботы и воскресенья. Он ходил в недельную группу детского сада, и по субботам то жена, то я забирали его на воскресный день.

Рисунок принесла жена в одну из суббот.

— Понимаешь ли, так странно,— сказала она.— Прихожу в детский сад за Сережкой, а воспитательница, новая какая-то, молоденькая, говорит мне: «Вот, мамаша, рисунок вашего сына, если хотите. А то у нас их девать некуда, а потом родители иногда спрашивают. Так возьмите». Я и взяла...

Сейчас я смотрю на Сережкин рисунок и думаю, как это, право, хорошо. Это намного лучше того детского, что печатается в ребячьих журналах, и лучше того, что можно встретить на иных выставках за границей, а то и у нас.

Какова березка! И облака каковы! И желтые листья! И крапинки на стволе! И как это удивительно, что все на синей бумаге! Примитивными детскими акварельными красками — надо ж так нарисовать!

И вдруг, признаюсь, горько мне стало. Горько и стыдно. Сто лет знаю я Сережку, а так и не спросил ни разу, рисует ли он сейчас. Про школу спрашивал, про отметки, о погоде говорил и о собаках, а про главное — ни разу...

Вышел я вновь во двор. Там еще скребла Сережкина лопата. Подошел к нему.

— Ну как, тезка? Идет дело?

— Идет, дядя Сереж,— сказал запыхавшийся Сережка.— Вот уже больше половины разгреб... А что?

— Ну и ладно...

Я не знал сейчас, что еще сказать.

Только посмотрел на него — длинного, раскрасневшегося, с шапкой, надвинутой на мокрые, потные волосы. Взрослый вроде бы человек и одновременно тот, давний, далекий, с березкой на синем листе.

— Сложная вещь — жизнь, Сережа! — вырвалось у меня.— И не надо ее усложнять. А то сами усложняем, потом боремся...

Кажется, Сережка ничего не понял. Или задумался, или отвлекся. И я отвлекся.

По улице нашей шла веселая компания с гармошкой и залихватски, с приплясыванием и смехом пела:

Эх, дружок, эй, дружок,
Посмотри, идет снежок.
Коли не было б снежка,
Не видать бы нам дружка.

Подмосковье нашенско
Снегом разукрашено,
Без снежка потухнет свет,
А без зимы России нет...

* * *

Птицы тоже ведут себя по-разному, когда идет снег. Полные воробьихи вроде бы и недовольны, зато воробьишки с темными манишками на груди и шапочками на голове радуются. Идет снег! А по голодной зиме и это — кое-что!

Синицы в полном разнообразии своем прыгают рядом с не менее разнообразными воробьями. И хотя для них воробей — птица примитивная, что поделаешь, приходится и с этой птицей соседствовать. Да и понапористей, поумнее воробей, когда находит пищу. А тут рядом с ним, глядишь, и синичке что-то перепадет.

Снегири, красногрудые, как офицеры старинной армии или суворовцы на параде, солидно и важно танцуют в одиночестве — ближе к стволам деревьев. Танцуют и купаются в снегу. Что-то сыплется вместе со снегом сверху — семена, что ли, еловых шишек или еще что, но снегири довольны и этим. И снег их не пугает, а радует. Они долгие месяцы лета и осени ждали этой зимней поры.

Я не вижу всех птиц, хотя знаю, что где-то прячутся зеленушки, коих много в нашем Подмосковье, и вот — слышу — вдруг не по-зимнему запел зяблик, не улетевший на юг. А может, это и овсянка?

И вот уже тук-тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук-тук...

И снег сыплется с ели, на стволе которой трудится пестрый черно-бело-красный дятел.

Сыплется снег с ветвей ели. И с неба идет снег.

* * *

В тот вечер мы долго сидели с Сережкой у нас дома. И смотрели на его рисунок.

Поначалу Сережка даже ухмыльнулся:

— Ну это древность, дядя Сереж!..

Потом замолчал.

И мы молчали.

— Ну, а теперь? — спросил я.— Теперь ты рисуешь что-нибудь? А-а?

— Да так, иногда,— неопределенно сказал

Сережка и вдруг добавил: — А хорошо, что снег идет, дядя Сереж, правда? Хорошо это...

— Хорошо.

— Только ведь не поверят, если это нарисуешь? Скажут: «Не так», «Так не бывает!»

— Почему?

— Да красиво слишком. Это увидеть надо. А так в такое никто не поверит. И снег и лес...

* * *

А лес совсем замер под этим нескончаемым снегопадом. Самая длинная ночь декабрьская прошла, рассвело, а сосны и ели все так и не шелохнутся. Замерли в снежном убранстве своем, будто хотят сохранить его до новогодних праздников.

И белка не прыгает по веткам — видимо, не проснулась еще, нежится где-то в своем укромном, тепло запеленованном дупле. И вороны не каркают. И иных птиц не видно, не слышно. И даже пес Тобик не появляется, ибо не нужен ему я, а нужен Тюлька. А Тюльки нет — он знает. Или просто лень ему рано вставать сегодня — в эту самую длинную зимнюю ночь. И всем лень.

А может быть, дело и не в лени, а в погоде. Вот самолеты сегодня тоже молчат. Ни одного взлета за все утро.

Значит, снег идет. И туманно небо. Нелетная погода. А в нелетную погоду хорошо дремлется!

Только один снег действует, работает — он шел всю ночь, пока мы спали, и сейчас идет. Идет, летит, парит, а скорей, в самом деле, точнее, спускается на землю. Не торопясь, ласково, задумчиво спускается.

Замер лес. Молчит, думает. О том ли, о чем и снег, падающий на землю, или еще о чем? У всего живого есть свои думы. Лишь бы время выбрать подумать! А то порой в сутолоке будней и некогда. То гроза, то буря, то град, а то и еще что-нибудь похлестче!..

* * *

Мы не виделись с Сережкой две недели или больше.

И вот он у ворот меня встречает.

— А я ждал вас, дядя Сереж, даже в школу сегодня не пошел. Сказали, что вы... Ругаться не будете?

— Ну, что ты!

Для порядка он спросил, где я был и что видел. И как там живут, в этом Непале. И очень удивился, что там сейчас тепло.

— А я бы не мог, когда весь год одно лето! — заметил Сережка.— И вот снег у нас все идет и идет...

— Верно, идет...

Я и сам обрадовался снегу, который идет и лежит рядом, а не где-то в Гималаях.

— Я вот о чем посоветоваться хотел с вами, дядя Сереж,— сказал Сережка.— Только вы не удивляйтесь, я ведь не маленький, как тогда, когда березку эту нарисовал, которая у вас...

Мне почему-то захотелось в эту минуту сказать Сережке, что зря он не пошел в школу, что занятия пропускать нельзя, что это очень важно — ходить в школу...

Но Сережка меня перебил:

— Можно?

— Конечно,— согласился я.

— Я вот никогда этого не рисовал, конечно, но хочу попробовать маму нарисовать. Как вы думаете? Но только не знаю вот: с орденами или без них? Я тут в Москве был на могиле Неизвестного солдата и решил: с орденами. А потом задумался: не носит она их, застесняется еще, когда увидит.

Шел снег. Сейчас шел. И, наверное, шел вчера, и позавчера, и раньше, когда меня не было дома.

В морозном воздухе пахло снегом. Говорят, что может быть такое, что пахнет снегом. И я, кажется, сейчас чувствую, как пахнет снегом. Именно пахнет. Запахами неба, откуда летит снег. Запахами облаков. Запахами космических миров, которые всегда были так далеки от нас и вот стали близкими, привычными.

И еще снег пахнет воздухом, зимой и Россией...

Николай ГРИБАЧЕВ

Я ЛЕ

ПОЧЕМУ НОЧЬЮ ШУМЯТ ДЕРЕВЬЯ — КАК РАССКАЗЫВАЛ О ТОМ МОЙ ДЕД

Засиделся леший у русалок,
Спохватился: как дойти до дому?
Сушняком тропинки завалило,
Тьма, хоть глаз коли, по бурелому.

У зари спросить бы головешку,
Да не стоит связываться с бабой.
Катится под ноги можжевельник,
Елка бороду хватает лапой.

Дуб расселся прямо на дороге,
Лист перебирает подгоревший.
Пни, болота, кочки, седловины —
Смейся, нет ли, заблудился леший.

А, поди, старуха дома злится,
Грех на грош, а разговору на год —
Бродишь, дескать, блудень, по яругам,
Нализался забродивших ягод.

Что старуха, что сорока — ровни,
Но, однако, с бабой хуже шутки:
Птица потрещит и смолкнет к ночи,
А старуха заведет на сутки,

Прадеда помянет, вспомнит деда,
Приплетет, что надо и не надо,
Скажешь слово — как горох об стену
Стукнется да и летит обратно.

Ночь все глуше, и куда ни ступишь,
Шорох, хруст, сопенье за плечами,
Будто все деревья оживают
И кочуют по лесу ночами.

Раньше мы боялись этой тайны,
А теперь ее узнали: это
Старый леший, потеряв дорогу,
Бродит и вздыхает до рассвета!

ТЫ ПРИГУБИЛА ЗЕЛЬЯ В ХАТЕ КОЛДУНА

Куролесье елки и сосны,
Мох, с ветвей свисающий кудлато.
Говорят, что жили колдуны
В этой сонной сутеми когда-то.

Темный сруб, прислепшее окно.
Черный кот, опухший от безделья.
На год разных трав запасено,
И в бутылки — дьявольское зелье.

И порою, им опоена,
Во хмелю веселого угара,
Жениха бросая, не одна
С первым встречным девка убегала.

Вот и ты взяла да и ушла,
Обожгла и сбила сердце с лада.
Ходит ветер, травы вороша,
Ищет след, а мне следов не надо.

Знаю, что пропажи не найти,
Ни к чему кричать — не отзовется,
Частый ельник встанет на пути,
Под туманом
речка разольется.

Видно, в час, когда зашла луна
И подмоги не дозваться было,
Забрела ты в хату колдуна,
Дьявольского зелья пригубила.

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЗИМНЕМ ЛЕСУ...

Лес снегами засыпан, завеян, завален,
Жидкий зимний рассвет на рябине заварен.

Снегири на кустах — огоньки без причала,
Похилилась сосна — на ветру укачало,

Отмерла надо льдом и споткнулась осока...
Все горит до поры, все сияет до срока!

ПОВЕЛА ТЫ МЕНЯ ЧЕРЕЗ ЧАЩУ, ЗАГАДАЛА ЗАГАДКУ...

Глазками стрельнула: «Тут короче!»
Повела лужками, рощей, чащей.
Сумрак — словно в полдень дело к ночи,
На дубу дупло — как рот кричащий.

Над густой листвой недвижен воздух.
Старый клен крапиве шлет проклятья.
Вниз стекают ветви на березах,
Как на девках ситцевые платья.

Мухомор доверчивых букашек
Угощает молоком и ядом.
Словно пень, рогами изукрашен,
Старый лось храпит и дышит рядом.

Бурелом. Малинник — непролазно.
Мох. Вода, бормочущая глухо.
Кто-то, чудится, глядит в три глаза,
Кто-то слушает в четыре уха.

Вот тебе и на! В двадцатом веке
Окружают, обступают страхи.
Вздрагиваешь от касанья ветки,
От луча, сверкнувшего во мраке.

И при тайне этой непочатой
Спрашиваешь сам себя в запарке:
Ну, а ты откуда здесь и чья ты —
Дочь колдуньи? Лешего? Русалки?

Для чего я как заговоренный
За тобой бреду в туман зеленый?
Почему, как засмеешься жарко,
Сердце выну и отдам — не жалко?

Только в поле с рожью золоченой,
Где спадает колдовство и магия,
Ты простой становишься девчонкой
В желтых босоножках из раймага.

Рисунки П. Караченцова

СОМ ШЕЛ ...

И, от наваждений отдыхая,
Я ищу, ищу, ищу ответа:
А на самом деле ты какая?
Лето знает — да не скажет лето!..

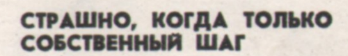
О СОРОКЕ И ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ В ЛЕС БЕЗ РУЖЬЯ...

В славе сплетницы, а не пророка,
По молве негромких наших мест,
Что частишь ты по кустам, сорока,
Что трещишь, пугая всех окрест?

Он пришел без пороха в патроне,
Человек, доживший до седин.
Здесь когда-то насмерть бились трое,
А остался на земле один.

Двое стали по веленьям древним
Корнями, ветвями и листвой...
Он сюда приходит не к деревьям,
А к своим живым живой и свой.

Размышляя, курит одиноко,
Подбирает к памяти ключи.
Помолчи, пожалуйста, сорока,
Сплетница, трещотка, помолчи!

СТРАШНО, КОГДА ТОЛЬКО СОБСТВЕННЫЙ ШАГ

Смолкла вода. Смолкла трава.
Ухнет и смолкнет где-то сова.
И, оглушая, звучит в ушах
Собственный шаг,
собственный шаг.

Что там в чащобе? В кустах? В ярах?
Это еще не из страхов страх.
Страх — если вдруг навсегда в ушах
Собственный шаг,
собственный шаг.

НЕПРИНЯТОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ ПОСИДЕТЬ У КОСТРА

Где-то на Десне или на Ламе
Костерок мигает меж стволами,
После утомительного дня
«Посиди со мной!» — манит меня.

«Посиди, послушай, попечалься,
Выпей вдосталь тишины и тьмы.
У какого берега ни чалься —
Все на свете временные мы.

Погорим,
погреем
и — остыли,
И опять из пепла и золы
Новые, в своей красе и силе,
Выкинутся ветки и стволы».
Что отвечу? Не гонюсь за славой
И не собираюсь жить века,

Только речью тихой и лукавой
Ты меня не сманивай пока.

Чтобы рук не развязать врагу,
Не открыть ударам спину друга,
Хоть и туго мне порой —
ой, туго! —
Не приду покамест. Не смогу!

РАЗГОВОР С ПНЕМ, В КОТОРЫЙ МОЖНО ВЕРИТЬ, А МОЖНО И НЕТ

— Ах, пень, ты записался во лгуны:
Швырнул гнилушку ломтиком луны.
Светясь, она к себе вниманья требовала,
А ковырнул ногой — и словно не было.

— Я — пень. Что взять? А ты мне покажи
Стихи и речи без красивой лжи:
Гремят, гремят.— огня родня ли,
неба ли,
А год прошел — гадаешь:
были? Не были?

ВЕТКЕ, КОТОРАЯ ЦЕПЛЯЛАСЬ ЗА ПЛЕЧО

Не цепляй, не держи меня, ветка,
Обомшелая ветка в лесу.
Не бегу я от жизни и века,
Я сушняк подобрал и несу.

Обсушусь, обогреюсь немного
И уйду, чуть займется рассвет.
Сорок лет меня гонит тревога,
Сорок лет. А отбоя все нет!

ПОЛЮБИТЕ МОИХ СЫНОВ

От лесного шума усталость.
Зелен ветер, и свет, и цвет.
Мне немного пройти осталось:
Десять, может, пятнадцать лет.

Я хотел бы все лесом, лесом,
Чтоб костры зажигать ночам,
Прикрываясь плащом небесным
По озябшим в росе плечам.

Жизнь моя закрутилась туго —
Отпустить бы ее узлы
Там, где голос птицы и друга
И малиновый всплеск золы.

Только эта мечта да бредни,
На пустом току молотьба.
Нет ни прав у меня, ни времени
От тебя убежать, судьба.

Что поделать? Не принуждали,
Сам продумывал до основ.
До свиданья, лесные дали,
Полюбите моих сынов!

НАВСТРЕЧУ
50 ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ
1917—1967

РОЖДЕННЫЕ В БУРЮ...

1925 год. Рабочие суконной фабрики — первого советского предприятия в Гандже (ныне Кировабад). В центре Г. К. Орджоникидзе. Во втором ряду, 19-й справа, тогдашний председатель Совнаркома Азербайджанской ССР Г. М. Мусабеков.

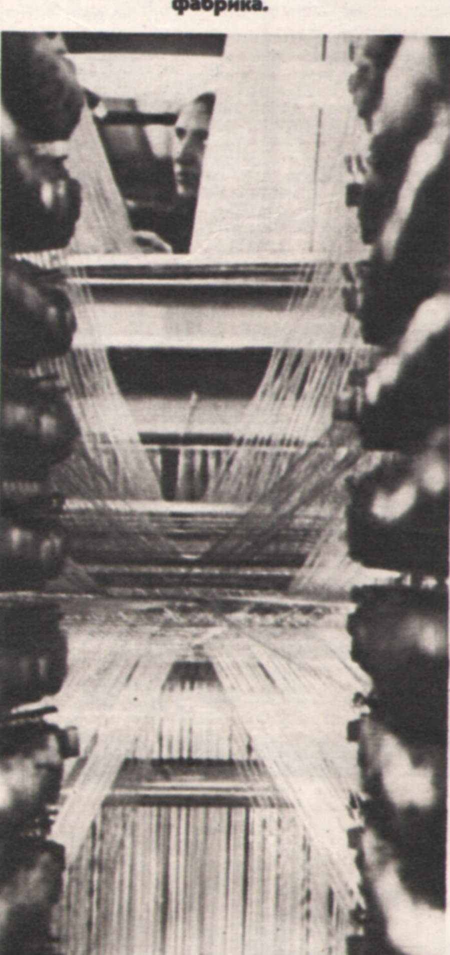
Недалеко от Кировабада Дашкесанские рудники.

НА ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ ЖИЗНИ

Айро САРКИСОВ, корреспондент газеты «Коммунист»

Фото Л. Бородулина.

Есть в бывшей Гандже и ковровая фабрика.

...Шел 1925 год. Из Советской России в Азербайджан в то время поступали машины, станки, оборудование, даже целые предприятия в дар братскому народу. Среди подарков русских рабочих была и суконная фабрика, переведенная вместе с русскими мастерами-суконщиками из Тамбова в Ганджу — нынешний Кировабад.

В 1924 году ганджинцы начали строительство здания для новой фабрики. Рядом поднимались корпуса и других предприятий. На одном из краевых партийных совещаний Серго Орджоникидзе, секретарь Закавказского крайкома партии, подчеркнул, что «старая Ганджа — город беков, ханов и агаларов — станет азербайджанским Манчестером», центром текстильной промышленности Азербайджана.

В день открытия фабрики, в ноябре 1925 года, в Ганджу приехали представители партийных и советских организаций из Баку и Тифлиса. Приехал и Серго Орджоникидзе. Рабочие попросили Серго сфотографироваться с ними.

С тех пор прошло более сорока лет. Где теперь ветераны суконной фабрики, которые запечатлены на этой фотографии? Как сложилась их судьба?

...Я сижу в кабинете директора Кировабадской суконной фабрики Джавада Халиловича Ибрагимова. Показываю ему старую фотографию, спрашиваю: знает ли он кого-нибудь из этих людей?

В обеденный перерыв приходят в кабинет директора ветераны фабрики и молодые рабочие, чтобы окинуть взором «кусочек» истории родного предприятия.

К столу подходит пожилой человек. Это Павел Михайлович Намерков — один из тех мастеров, которые в двадцатых годах приехали в Ганджу из России, чтобы научить местных рабочих суконному делу. Павел Михайлович полюбил город и его жителей и остался здесь навсегда.

— Слева, одиннадцатый — Бегляр Вердиев, он был лучшим красильщиком фабрики,— вспоминает Павел Михайлович.— Ему не суждено было дожить до наших дней, а его сын Гади более шестнадцати лет работает красильщиком в том же цехе, где начал трудиться Бегляр.

Людей, рассматривающих старый снимок, собралось много. Называют все новые имена.

Гасану Кадрлиеву сейчас 65 лет, более тридцати из них он отдал фабрике. Теперь он на пенсии. Внимательно вглядываясь в снимок, Гасан Кадрлиев говорит:

— Первый слева — коммунист Муса Алиев, кадровый азербайджанский рабочий, мастер отделочного цеха. Он учился у русских товарищей, стал знатоком своего дела и сам воспитал десятки молодых ганджинцев. Они теперь трудятся не только на нашей фабрике, но и на других предприятиях легкой промышленности республики.

А вот Али Валиев — смотрите, третий слева. Отличный был производственник. Его тоже нет в живых, но и он оставил в жизни добрый след: дети его получили выс-

шее образование, сами стали воспитателями рабочей молодежи...

Дети старых рабочих, дети тех, кто в далекий памятный день фотографировался вместе с Серго... О них, о детях, нужно бы говорить особо. Одни, окончив учение, разбрелись по всей стране. Другие остались в родном городе. Нынешний Кировабад предоставляет молодым немалые возможности для применения их сил, энергии, умения. Одни трудятся на алюминиевом заводе, другие — на текстильном комбинате имени Орджоникидзе, третьи — на Дашкесанских рудниках, живописно раскинувшихся в горах, километрах в двадцати от бывшей Ганджи.

Многие с интересом разглядывали на фотографии лица работниц. Их всего пять. Пять женщин из восьмидесяти человек! Кто же они?

— Вторая справа — это наша Султан-баджи, бывшая сортировщица фабрики! — воскликнула пожилая работница.— Остальные приехали из России со своими мужьями.

Пока шел разговор, кто-то из рабочих сбегал домой, принес кипу документов, положил их передо мной на стол и сказал:

— Если хотите узнать, кто такая Султан-баджи, прочтите эти документы...

Тут и трудовая книжка, и удостоверения о правительственных наградах, и разные справки. На одном из документов читаю: «Членский билет № 19. Предъявитель сего тов. Нагиева Султан избрана членом Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и матросских депутатов сроком до созыва 8-го съезда Советов».

Документы принес внук Султан-баджи Магерам Алиев, помощник мастера ткацкого цеха. Его бабушка принадлежала к числу тех немногих смелых женщин Азербайджана двадцатых годов, которые не побоялись сбросить чадру и вопреки законам шариата пойти на фабрику, чтобы работать рядом с мужчинами. Сейчас в трудовом коллективе суконной фабрики свыше 60 процентов — женщины. Большинство из них азербайджанки.

Сорок лет тому назад на фабрике почти не было рабочих со средним образованием. Теперь тут подавляющее большинство — люди со средним и высшим образованием, специалисты своего дела. Многие из них, работая, учатся заочно в вузах.

Когда-то Серго Орджоникидзе, беседуя с рабочими суконной фабрики, сказал: «Вот у нас теперь будет своя ткань, хорошо будут одеваться рабочие и крестьяне». В 1925 году ганджинцы отправили в Тифлис Высшему Экономическому Совету три метра сукна — образец первой продукции фабрики. Теперь здесь ежегодно вырабатываются сотни тысяч метров высококачественной ткани.

...Взгляните еще раз на старую фотографию, на фабричное здание. Тогда, в середине двадцатых годов, это было единственное предприятие в степи, раскинувшейся между городом и железнодорожной станцией. Не узнать ныне былую степь — заводы, жилые кварталы, клубы, кинотеатры.

Мимо суконной фабрики идет широкий проспект, связывающий железнодорожную станцию с центром города. Он носит имя Ленина. В Кировабаде много широких и красивых улиц. Но проспект Ленина особый, у него большая история. Именно здесь расположены первые советские предприятия, рожденные Октябрем, в том числе крупнейший в Закавказье текстильный комбинат имени Серго Орджоникидзе, научно-исследовательские учреждения, высшие учебные заведения, красивые, благоустроенные поселки — все то, чего не знала старая Ганджа. Свое начало Ленинский проспект берет у самого вокзала, где в бурном 1905 году бастовали железнодорожники, где в дни борьбы за победу Советской власти шагали красноармейцы XI армии — они несли знамя освобождения в древнюю Ганджу и к братьям-трудящимся Армении и Грузии. Сейчас у вокзала установлен каменный обелиск. На мраморной его доске надпись на азербайджанском и русском языках: «Павшим в боях с белобандитами».

Вот на какой улице стоит суконная фабрика, в стены которой привела меня старая фотография: на улице, носящей имя Ленина, на главной улице нашей жизни.

В конголезской деревне.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА

ОТ КОНГО ДО СИРИИ

Борис БУРКОВ

Фото автора.

Из Ниццы до Браззавиля — столицы свободного Конго — «Боинг-707» доставил нас за шесть часов. Было совсем еще темно — 5 часов утра. Густо посоленное звездами небо, силуэты пальм, жарко. На далеком горизонте чуть брезжит рассвет...

Наш добрый хозяин, генеральный директор Информационного агентства Бемба, сообщил, что в Браззавиле около 170 тысяч жителей. Европейского типа чистый городок, расположенный на правом берегу нижнего течения реки Конго, производит на путешественника приятное впечатление. Много красивых богатых вилл. Подстриженные кустарники, цветы, цветущие деревья...

Мы сделали много фотоснимков; они всегда помогают журналистам лучше рассказать об увиденном.

Река Конго — широкая и быстрая. Она несет огромные зеленые водоросли, зеленые кусты. Снуют рыбацкие лодки. Прямо напротив — Киншаса (Леопольдвиль).

Когда мы были в скромной резиденции премьера, в комнате с простыми деревянными скамьями и полками, с заколоченными окнами на первом этаже (на это помещение был совершен налет реакционных молодчиков), мы лучше поняли настроение страны, решившей строить новую жизнь без помещиков и капиталистов.

Из-за стола поднялся высокий, стройный мужчина в гимнастерке и брюках защитного цвета. Дружески пожал нам руки. Это премьер Амбруаз Нумазалай.

— Нам еще долго будет тяжело,— говорит Нумазалай,— нам придется еще очень много поработать. Но главное — это наша вера в правоту своего дела. Мы выбрали свой путь. Мы не свернем с него.

Нумазалай хорошо отозвался о конголезской молодежи.

— Она помогает нам,— сказал он.

Молодежь мы видели повсюду — на стройках, на полях, в редакциях газет, в радио- и телецентрах, мы видели ее в шеренгах воинских подразделений. Конечно, молодежь — большая сила. Но надо иметь в виду, что среди конголезской молодежи еще много неграмотных. По-

Главный редактор газеты «Аль-Ахбар» Хусейн Фахми.

У вечных пирамид...

тому далеко не все правильно разбираются в событиях, происходящих в стране и за ее пределами.

На плато Кукуйя советские люди помогают конголезцам сооружать систему водоснабжения. Советские геологи ведут разведку, чтобы конголезцы могли использовать богатства своей земли. Другие демократические государства также помогают республике.

Выходной день мы решили посвятить осмотру водопадов Фульакари, что в 90 километрах от столицы. На окраине Браззавиля по дороге на водопады мы часто встречали небольшие мастерские народных умельцев. Точеные деревянные головки, маски, статуэтки из дерева — свидетельство хорошего вкуса и знания быта.

Около одной такой мастерской — походная «кухня». Здесь можно выпить пальмового вина, закусить рыбой, плодами авокадо. Эти плоды растут на дереве и имеют форму груши с большим твердым ядром внутри. «Грушу» разрезают пополам, ложкой выскабливают содержимое, солят, добавляют горчицу, перец, кетчуп — и готова превосходная закуска.

В Конго приезжего поражает разнообразие красок одежды. Редко можно встретить ткани одного цвета с одинаковым рисунком. Правда, в Конго, за Браззавилем, как мы заметили, преобладают коричнево-бордовый и желтый цвета, что как-то органически вписывается в ландшафт местности.

Женщины обычно носят груз на голове. Они очень стройны, даже когда к спине большим платком привязан ребенок.

Пролетев от Браззавиля около полутора часов, самолет делает посадку в Либревилле. Это Габон. Солнце немилосердно печет. Пассажиры наблюдают из аэропорта за работой маленьких желто-зеленых птичек, похожих на попугайчиков, вьющих гнезда на большом, развесистом дереве. Словно фонарики, раскачиваются на ветвях гнездышки.

...Дуала — город в Камеруне. Горожане ходят с зонтиками: белые, красные, желтые зонтики расцвечивают общий ярко-зеленый фон города. Тепло, но сыро. Пальмы, пальмы. Растительность буйно поднимается вверх, идет вширь, местами за плотными кронами деревьев не видно города. Центр города — европейский. В Дуала есть алюминиевый завод, несколько фабрик. Недалеко от города большие плантации бананов и какао.

...Лагос — столица Нигерии, страны с населением около 60 миллионов жителей. Страна разделена на четыре основных провинции, в которых живут сотни племен. С давних пор из Нигерии вывозят орехи, масло, какао, земляной орех, каучук, олово, ценные породы дерева, табак.

В дни нашего пребывания в Лагосе ежедневно заседал военный совет. По городу разъезжали бронемашины. Но город как бы не замечал этого: шумит, бурлит, торгует. Такое впечатление, что торгуют все. Огромное количество базаров: с лотками ходят, сидят. Продают фрукты, овощи, мясо сырое, мясо, жаренное на сковороде, жаренное на вертеле, рыбу, спички, разные мелочи.

Лагос — крупный океанский порт. Город похож местами на Нью-Йорк, местами на Неаполь. Тут и Америка и Европа, Азия и Африка. Великолепные виллы и трущобы. За последние три—пять лет большие изменения, как рассказывают местные журналисты, произошли на так называемом острове Виктории: когда-то здесь были соленые болота. Теперь хороший пляж, большое новое здание отеля «Федерал Палас», здание телецентра, жилые дома. Но блага цивилизации, к сожалению, пока еще почти недоступны коренному населению.

На пляже десятки самодельных храмов. Из песка сооружается круглый вал. В центре круга ставится обычный деревянный ящик и обязательно колокольчик. Храм готов, и здесь порой до исступления молятся люди. Они становятся на колени лицом к океану и, жестикулируя, долго разговаривают с богом.

Около пяти столетий в Лагосе существует Дворец короля — небольшое двухэтажное здание с тронным залом и другими помещениями для заседаний совета вождей. Совет вождей избирает короля.

Мы посетили короля Лагоса Акензуа II в его резиденции, меблированной в лучшем европейском вкусе, конечно, со многими африканскими украшениями. Под стеклом в шкафу корона. За небольшим столиком в приемной молодая красивая негритянка в европейской одежде. Она ведет учет посетителей.

Когда мы подымались по лестнице на второй этаж, вышел сам король — высокий плотный мужчина в бело-голубой мантии и бело-кремовой шапочке, напоминающей пилотку. Ему лет 50 или немного больше. Широким, гостеприимным жестом он пригласил в свою гостиную.

Мы сели на диван. Премьер двора его величества — в кресло у входа. Здоровенный охранник в широких зеленых шароварах и рубахе сел на полу, напротив короля, у пианино. (Король играет на фортепьяно и на скрипке, у него высшее образование.)

Мы узнали, что вожди Лагоса заседают каждый четверг. В этих совещаниях участвуют и общественные деятели города. К королю обращаются с разными просьбами, за советами. Иногда он председательствует. Кроме всего прочего, король еще и почетный мэр Лагоса.

Акензуа высказывается вполне определенно за расширение связей между Нигерией и социалистическими странами. Он уже побывал в Чехословакии и очень хотел бы видеть Советский Союз.

Сын короля — принц Лагоса — работает обозревателем газеты «Морнинг пост». Журналисты отзываются о нем как о способном сотруднике и хорошем товарище, придерживающемся демократических идей.

У нас было немало бесед с журналистами, государственными деятелями, работниками издательств, радио и телецентров.

Один из них сказал, что Нигерию распродают по частям: вывозят каучук, олово, какао. Кто дерет шкуру со скота, кто пилит лес...

— Поэтому,— продолжал журналист,— идеи западного частного предпринимательства не привлекают нас. Мы тянемся теперь к новым идеям, хотим создать общество труда и свободы.

— Вы знаете,— сказал нам один врач,— детская смертность в Нигерии катастрофическая. Она доходит до 70 процентов. Сколько нам нужно сделать, чтобы дети не умирали!

— Не мне вам, советским журналистам, говорить,— сказал как-то Якуб, сопровождающий нас журналист из радиоцентра,— что и у нас, у черных, есть свои капиталисты. Правда, некоторые из них ведут вместе с нами борьбу за национальную независимость. Но богатые есть богатые. У них свои интересы.

Следующий город на нашем пути — столица Эфиопии Аддис-Абеба. Широкие улицы, большие многоэтажные дома муниципалитета, Дом Африки, банк, отели. А на окраине — хижины.

У императорского дворца караул конных гвардейцев в больших пушистых головных уборах и ярких мундирах.

После жаркой Нигерии Аддис-Абеба, расположенная на высоте 2 600 метров над уровнем моря, где было всего 16 градусов тепла, показалась нам очень холодной.

Природа столицы Эфиопии и ближайших к ней районов сходна с русской: сосны, тополя, на улицах много душистой герани, фуксии (что в наших деревнях называют «огоньками»). За городом у дороги продают морковь, крупный мытый картофель, кочаны капусты. Деревни небольшие. Национальные хижины — тукуль — домик с островерхой крышей, словно колокольня.

В советском госпитале, который существует в Аддис-Абебе с 1947 года, нас очень радушно встретил директор Василий Петрович Шишкин. Он уже проработал здесь более двух лет, теперь собирается вернуться в Москву. Василий Петрович рассказывал нам о своем любимом, но очень трудном деле:

— В госпитале за год побывало более 52 тысяч больных. Выздоравливающим показываем наши кинофильмы, читаем лекции, проводим с ними беседы. У нас уже есть помощники из местного населения.

Потом мы зашли в палаты, разговаривали с больными. Советский Союз здесь хорошо знают.

Каир встретил нас жарой. После высокогорной и прохладной столицы Эфиопии каирская духота сначала как-то сковывает, и лишь ветерок на тенистой набережной Нила приводит пассажиров в норму.

Первое посещение — газета «Аль-Ахбар». Здесь наш старый знакомый арабский журналист Хусейн Фахми. Было уже поздно, номер «лихорадило», и мы не стали долго задерживаться, договорившись встретиться завтра в его загородном рабочем домике.

Как потом оказалось, рабочий домик — это очень легкая постройка за пирамидами рядом с известным ночным клубом «Сахара-сити». Таких домиков там много. У Фахми здесь рабочий кабинет-спальня, заваленный бумагами, рукописями, книгами, и большая столовая, покрытая парусиной. В крошечном внутреннем дворике в четырех-пяти горшках какие-то цветы изнывают под сахарским солнцем.

— Это мой сад,— шутит Хусейн.

В столовой под парусиной было немного прохладней. Отсюда открывался замечательный вид на пирамиды.

В Египте я не встречал человека, который не знал бы о нашей стране. Это результат нашей помощи в самые трудные времена, бескорыстное участие в создании независимой арабской экономики, венцом которой является Асуан. Короче говоря, советско-арабская дружба не на словах, а на деле.

Уже на аэродроме местные журналисты напомнили просьбу газеты «Аль-Гумхурия» помочь ей в приглашении в Каир на одну из футбольных игр советского вратаря Льва Яшина. Футбол в ОАР — очень популярная игра. Болельщиков здесь миллионы.

Час полета — и вот мы уже в Бейруте. Здесь ломают многие старые дома и воздвигают новые — красивые, нарядные. Земля в Бейруте очень дорогая. В центре квадратный метр земли стоит 2 тысячи долларов. Выгодно сломать низкорослый, маленький дом, построить высокий.

Ливанцы гордятся, что Бейрут становится мировым перекрестком, связывающим Азию, Африку, Европу и Америку.

Бейрутцы гордятся и тем, что в их городе функционируют банки, которые не выплачивают вкладчикам процентов, а, напротив, сами берут за хранение вкладов.

— Бейрут перещеголяет Женеву,— уверяют в Ливане.

В Советском Союзе была делегация Ливанского синдиката владельцев газет по приглашению Союза журналистов и АПН. Обе стороны остались довольны, а Фарид Абу Шахле написал хорошую книгу «Советский Союз без ретуши».

Мы заинтересованы в контактах с ливанскими журналистами, издателями, как в этом заинтересована и ливанская печать. Вот почему мы и заехали в Бейрут.

До Дамаска 110 километров. Дорога сначала поднимается в гору до отметки 1 800 метров, потом спускается в долину. Ближе к Сирии зеленый цвет пейзажа сменяется желтым.

Выполнение формальностей на ливанской границе, потом «ничейная» полоса и Сирия. На арке надпись: «Сирия приветствует вас».

«Дамаск — это оазис,— сказали нам.— Дальше — пустыня».

Город в самом деле довольно зеленый, с большими домами, с красивыми улицами.

— Курс, взятый нашим правительством, вдохновляет наш народ, хотя и вызвал бешеные наскоки его врагов. Мы верим дружбе с вашим народом, с народами других демократических стран,— говорил нам Фаузи Хинди, генеральный директор Сирийского информационного агентства.— Вы только посмотрите,— сказал Хинди,— с каким вниманием осматривают ваш павильон на Международной ярмарке и павильоны других социалистических стран тоже.

Сирия живет будущим. У нее, как и у каждой страны, еще очень много трудностей. Но судьбу свою пятимиллионный народ Сирии вручает тем, кто борется за его кровные интересы.

Разные страны мы повидали на своем пути. Но есть у них у всех общее: народы хотят свободы и независимости и неуклонно идут к этой цели.

Доброго пути вам!

Диего Ривера. ФРАГМЕНТ ФРЕСКИ ИЗ ЦИКЛА «ВСЕОБЩАЯ ПЕСНЬ». Министерство народного просвещения.

Лев ФИЛАТОВ

Вопрос, вынесенный в заголовок, словно бы не ко времени: чемпионат страны еще не начался, а какие же новости, когда пустая таблица похожа на пчелиные соты без капельки меда?! Да, совсем еще недавно, ну что-нибудь 10—15 лет назад, такой довод вполне мог показаться убедительным. А сейчас для большинства интересующихся футболом он наивен и старомоден. В самом деле, ведь мы с вами день ото дня все более пристально и дотошно прослеживаем и исследуем футбольную жизнь. Ее неисчерпаемую тактическую арифметику, ее моральные и юридические кодексы, ее историю и хронологию, ее драмы и анекдоты.

Мы еще спорим порой, достаточно ли благозвучно слово «болельщик», не уважительнее ли говорить — «любитель футбола», а тем временем где-то родилось и уже проклюнулось новое, хотя и по древним образцам составленное словечко — «футболофил».

Болельщиков принято считать необычайно, чрезмерно активными. Их зазывают на стадионы и одновременно побаиваются. Мне довелось видеть, как в разных странах решается проблема взаимоотношений поля и трибун.

В Афинах поле обнесено высокой решеткой, точь-в-точь такой же, как в цирке во время аттракциона со львами. В Монтевидео, на знаменитом «Сентенарио», на публику наведены жуткие, ржавые надолбы, соединенные колючей проволокой. На не менее известном стадионе в Сант-Яго дешевые, круглые трибуны отгорожены от поля решеткой, по беговой дорожке прогуливаются карабинеры с овчарками на поводке (видимо, это уважительная форма охраны!).

Пожалуй, наиболее решительно и наименее оскорбительно для своих болельщиков решили этот вопрос на «Маракане» в Рио. Там поле обведено глубоким бетонированным рвом. Он не бросается в глаза, почти невидим, но всем известно, что выбраться из него невозможно, и ни у кого не возникает желания ров этот штурмовать.

Да и на наших стадионах пока еще приходится принимать меры предосторожности, чтобы уберечь зрителей от хулиганов, пьяниц и сквернословов. Всем нам досадно, что шпана эта бросает какую-то полоску тени на прекрасное племя футбольных болельщиков. И вот, может быть, для того, чтобы защитить свою репутацию, любители футбола и стали создавать клубы. Клубы истинных любителей.

Помню, года три назад, зимой, я впервые был приглашен на заседание такого клуба при Московском центральном стадионе в Лужниках. Темень, свирепый мороз, ветер с реки, ноги разъезжаются на льду катка... Признаться, в ту минуту я считал, что меня провели и никакого футбольного клуба в природе нет и быть не может. А он уже заседал, этот клуб, в конференц-зале стадиона, и сидело там человек двести.

Заседания клуба — это встречи с тренерами, игроками, журналистами, судьями. Но это, если хотите, фасад. Главное — секции. Тут и фотографы, и коллекционеры, и обучающиеся судейству, и историки. Клубы есть уже и в других городах, они переписываются, обмениваются опытом, материалами.

Сейчас вообще в ходу коллекционирование, и футбол, это дитя нашего века, немедленно дал жизнь еще одной ветви приятного, безобидного и небесполезного досуга. Оказалось, что собирать можно самые разные вещи. Ну, например, как Валерий Воронин — значки футбольных клубов всего мира. (Тут в скобках просто необходимо заметить, что наши команды, даже высшей лиги, почему-то не имеют своих значков.) Или как Иосиф Сабо — вымпелы тех же клубов. Книги, программки, фотографии, автографы... Но самые, конечно, мученики — это статистики, собиратели футбольных цифр. Они жить не могут без сведений о всех матчах (состав, кто забил голы, судьи, количество зрителей и т. д.), скажем, «Спартака» или сборной Аргентины. Как ни странно, ни у кого из них нет точных сведений о сборной СССР. Да, не удивляйтесь. Хотя нашей команде всего-навсего 15 лет, до сих пор Федерация не решила, сколько же официальных матчей она провела. Тут дело уже не только в коллекционерах, неловко, вероятно, всем нам, советским любителям футбола...

Вот так и появились футболофилы. И, знаете, мне кажется, что именно они, как мы теперь говорим, на общественных началах, раньше, чем какие-либо «соответствующие» учреждения, создадут, например, книгу по истории отечественного футбола и когда-нибудь откроют для всеобщего обозрения выставку своих занятных коллекций. Как видите, понятие «болельщик» становится все более растяжимым.

Замахнувшись на разговор о новом в футболе, я, по всей вероятности, начал не с самого главного. Впрочем, кто их нумеровал по порядку, футбольные проблемы?! Мы достаточно натерпелись от догматического подхода к игре, когда всем нашим командам предписывалось одинаково тренироваться, одинаково нападать и защищаться. Так нужно ли, чтобы и наши абзацы были расставлены столь же обязательно, как игроки при 4 : 2 : 4?

Теперь, после английского чемпионата мира, все убедились, что тактическая зубрежка бессмысленна, и вся прелесть игры — в вечной новизне, в придумывании, в сюрпризах, и что современный игрок должен непременно открыть для себя тайну «перпетуум-мобиле», по крайней мере на полтора часа матча. Поэтому теперь у нас смена дискуссионных декораций.

Тончайший знаток футбола Андрей Старостин вдруг предложил в одной из своих статей отделить сборную страны от клубов и пустить ее в самостоятельное плавание. О нет, было бы неуважением к автору проекта выдвигать в ответ напрашивающиеся аргументы вроде того, что только в чемпионатах стран, естественно, вырастают закаленные, искусные мастера. Все возражения ему были известны наперед. Более существенно другое: откуда мог взяться такой проект? Мне кажется, что он не что иное, как жест отчаяния. И вот почему.

У нас из года в год ничего не получается с футбольным календарем. Расписание игр нарушается, финиш чемпионата в ноябре — декабре проходит во многих городах при пустых трибунах. Команды то играют в изнурительном ритме, через два дня на третий, то по месяцу изнывают в вынужденном простое. Когда члены президиума Федерации, обсуждая календарь нынешнего года, спросили мнение представителя ученого мира, он ответил без обиняков: «Ваши предложения ничего общего со спортивной наукой не имеют». Президиум весело рассмеялся, но было это похоже на пир во время чумы.

А ведь в этом деле и изобретать-то ничего не нужно. Уже давно и благополучно применяется во многих странах так называемый недельный цикл, когда матчи чемпионата проводятся традиционно, в одни и те же дни, по субботам или воскресеньям. Если команде предстоит еще игра международная, то для этого существует среда. И для матчей сборных — та же среда. Так в Англии, Италии, Португалии, Аргентине...

Что же мешает? Некомпетентность Федерации? Нет, люди там опытные, знают, что хорошо и что плохо. Беда в том, что решения Федерации зачастую неокончательны, повисают в воздухе, что на нее по любому поводу оказывают давление пресловутые меценаты. Через голову Федерации они добиваются отмены матчей, снимают и назначают тренеров, сманивают игроков, дают отводы судьям. Предположим, все — ученые, тренеры, Федерация, счетно-вычислительный центр — наконец приходят к выводу, что в нашей высшей лиге должно быть не 19, а 17 команд и тогда начнется нормальная жизнь. Удастся ли сделать необходимую ампутацию? Помните, попытка уже предпринималась, но безрезультатно...

Между прочим, покровители футбольных команд, понимая, что под их вмешательство должна быть подведена хоть какая-нибудь платформа, нередко пускаются в чистейшей воды демагогию. Один заявляет, что, когда его команда выигрывает, шахта дает больше угля, другой связывает победу с ремонтом тепловозов, третий — с выпуском холодильников, еще один — с двойками школьников... Ох как резко надо обрывать этих вульгаризаторов, путающих дело, которому время, с потехой, которой час!

Есть еще одна чрезвычайно важная дискуссионная проблема. Она, правда, существовала и прежде, но английский чемпионат ее вытолкнул на авансцену. Некоторые наши исследователи и тренеры остались под впечатлением, что большой успех на мировой арене вполне может быть достигнут командой, которая в первую очередь вынослива, мобильна, смела, настроена по-боевому. Провал бразильцев, итальянцев, испанцев, французов, скромные достижения венгров, аргентинцев и уругвайцев расценены как подтверждение, что не так уж важно техническое искусство игроков. К сожалению, и пример нашей команды, не показавшей продуманного, красивого футбола, но пробившейся тем не менее на высокое место, тоже дал повод для ревизии, казалось бы, непреложных футбольных истин. Раздались голоса о самобытности нашего футбола, о том вреде, который принесло бразильское наваждение, о том, что с «Золотой богиней» нечего церемониться, надо ее просто забирать к себе.

Я того же мнения о «Золотой богине». У нее недаром за спиной крылья, они напоминают о ее готовности к перелетам, к кочевой судьбе. Но одним напором, одним волевым усилием ее не покоришь. До сих пор этот приз получали команды, безупречные во всех отношениях. Вот и нам обязательно пора уже нацелиться на «богиню» и создавать для этого свою безупречную команду, которая бы, отважно борясь, кроме того, удивила бы мир своей игрой и завоевала общие симпатии.

А теория компенсации, в основе которой лежит примитивная вера, что основу футбольного искусства — технику и тактику игры — можно подменить силой, скоростью и волей,— это опаснейшая штука. Она льстит недоучкам, посредственностям и дискредитирует истинные таланты. Нет, эта теория не на виду, сами ее сторонники стыдятся собственных аргументов. Она маскируется, но надо не лениться выводить ее за ушко на солнышко.

Злободневным становится вопрос судейства. Дело не в том, каковы наши судьи, они, вероятно, не хуже, чем судьи в других странах. В самой игре происходят перемены, перед которыми судьи тушуются, на которые закрывают глаза. Игра становится резче, запрещенные приемы применяются все чаще, фол превращается в тактическое средство при обороне ворот. Уже прозвучали заявления Пеле и Б. Чарльтона о том, что искусство футбола под угрозой. Проблема эта общая, международная, и решать ее придется общими усилиями. Но тем не менее нашей судейской коллегии не грех выработать свою линию поведения, которая бы поощряла играющих и сдерживала разрушителей игры.

Из нового примечателен турнир «Советского спорта». Он не мог не возникнуть, коль скоро объявлена война зиме, коль скоро мы точно выяснили пагубное влияние длинных футбольных каникул. Скорее всего именно этот, вошедший в привычку зимний антракт и вел к тому, что едва ли не до осени никак не складывалась у наших команд хорошая игра. Зима усыпляла, разнеживала, растренировывала футболистов, и по весне им приходилось разучивать все с самого начала.

Турнир уже с середины февраля ввел все команды в обстановку соревнования, их естественная, нормальная жизнь началась, как никогда, рано. Перерыв между сезонами стал равен месячному отпуску, и это, вероятно, и есть наиболее оптимальный режим игрового года. Образ жизни нашего футбола становится примерно таким же, как и у главных иноземных соперников. Уравнивание условий должно со временем отразиться и на результатах.

Диего Ривера. НОЧЬ БЕДНЯКОВ. ФРАГМЕНТ ФРЕСКИ ИЗ ЦИКЛА «ВСЕОБЩАЯ ПЕСНЬ».
Министерство народного просвещения.

НА ПИРУ ИСКУССТВА

Н. ЛЕЙКИН

«Ревизор». Малый театр.
Городничий — И. Ильинский.

Фото И. Ефимова.

«Ревизор». МХАТ.
Хлестаков — В. Невинный.
Городничий — В. Белокуров.

Фото И. Александрова.

«Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор». Хрестоматийная фраза, открывающая великую комедию Николая Васильевича Гоголя, впервые произнесена на русской сцене 131 год назад. Наверно, не было и нет театра, где бы не звучала она в России в эти годы; не было и нет актеров, которые бы не играли «Ревизора»; не было и нет театралов, не посмотревших гоголевской пьесы.

И вот совсем недавно мы вновь услышали и увидели, как Антон Антонович Сквозник-Дмухановский повергает в панику своих доблестных соратников по управлению неким уездным городком пренеприятным известием о грядущем ревизоре. Два ведущих советских театра — Малый и МХАТ — один за другим показали новые постановки «Ревизора».

Не исключено, что могут возникнуть вопросы: почему, зачем сразу два московских театра сызнова обратились к комедии, неоднократно шедшей до этого у них на сцене? Что нового можно внести в сценическое воплощение «Ревизора»?

Тогда в ответ тоже можно спросить: почему вновь и вновь переживаешь, когда внимаешь Баху и Глинке, Чайковскому и Моцарту, Рахманинову и Шопену?.. А разве не каждый раз заново, с неизъяснимым волнением открываешь «Евгения Онегина» и «Анну Каренину», «Дон-Кихота» и «Фауста»?..

В том же ряду высоких, прекрасных, никогда не стареющих творений русской и мировой классики стоит гениальный «Ревизор». Непреходяще его значение в эстетическом и нравственном воспитании. И можно только с благодарным пониманием и уважением отнестись к коллективам, дающим нам возможность и нынче наслаждаться шедевром комедиографии.

Что же касается нового воплощения старой пьесы, то лучше всего на сей счет высказался сам автор «Ревизора»: «Можно все пьесы сделать вновь свежими, новыми, любопытными для всех от мала до велика, если сумеешь их поставить как следует на сцену».

М. Кедров в Художественном театре и И. Ильинский в Малом сумели это сделать.

Напрасно было бы искать в осуществленных ими постановках «Ревизора» модных новаций, модернистских изысков, многозначительных ассоциативных подчеркиваний. Не в этом видели они свою задачу, не этим стремились придать свежесть комедии, имеющей почти полутораавековой возраст. Может быть, прозвучит парадоксально, но я вижу новаторскую сущность нынешних постановок «Ревизора» в Малом и МХАТе прежде всего и главным образом в капитальном — безупречном и безупречном — реализме режиссерского подхода к бессмертному произведению.

В самом деле, что может быть свежее и ярче самого Гоголя! Что может быть увлекательней и благодарней постижения всей человеческой глубины и потрясающей типичности выведенных им характеров; выявления и щедрого, живописного раскрытия и осмеяния заключенного в них, олицетворяемого ими нравственного уродства! Не забывайте, что комедия-то сатирическая. И в этом, основополагающем, и Ильинский и Кедров стоят на одной позиции, идут по одному пути. Хотя, разумеется, спектакли Малого и Художественного театров отличаются друг от друга богатством и многообразием режиссерских находок, подробностей, деталей. Различен в них, хотя и равно интересен, и декорационный облик, более сдержанный, строгий, традиционный во МХАТе, где над оформлением работал художник А. Васильев, более свободный и театральный в Малом — художник Э. Стенберг.

Вообще, говоря об этих двух спектаклях, меньше всего хочется останавливаться на их различиях. А противопоставлять их один другому и вовсе не правомерно! Если сравнить весь советский театр с большим полифоническим хором, то «Ревизор» Малого и «Ревизор» МХАТа окажутся в одной группе голосов; каждый из них будет звучать одинаково чисто и мощно, с разницей лишь в тембровой окраске и нюансировке.

Но коль меня все-таки спросят, на какого из двух «Ревизоров» пойти, я отвечу:

— Пойдите и в Малый и во МХАТ! Потому что в каждом из этих театров Гоголя играет блистательный ансамбль неповторимых актерских индивидуальностей. Ну, а если почему-либо вы попадете только в один из этих театров, не сомневайтесь,— получите колоссальное эстетическое наслаждение. Ибо окажетесь на истинном пиру большого реалистического искусства.

А теперь я подошел к задаче труднейшей: как сказать об исполнителях двух спектаклей? Ведь буквально каждая актерская работа ярка и примечательна.

Три городничих — и каких! — И. Ильинский, Е. Весник в Малом и В. Белокуров во МХАТе. У Ильинского Антон Антонович больше себе на уме: эта бестия мягко стелет, да жестко спать. Он и посолидней и поумней, поэтому атаку на мнимого ревизора ведет искусно, даже тонко. Городничий Белокурова и Весника погрубей да понахрапистей, это хапуга более откровенный. А у Белокурова он к тому же еще не менее откровенно туповат и трусоват, что в отдельных местах роли эффект дает необыкновенный!

Смотришь на этих трех городничих и невольно вспоминаешь: «Талант — единственная новость, которая всегда нова». Впрочем, слова поэта приложимы ко многим и многим исполнителям двух «Ревизоров».

И Т. Еремеева в Малом и О. Андровская во МХАТе не жалеют красок, чтобы сделать Анну Андреевну, городничиху, этакой кокетливовальяжной гусыней, одновременно любопытной и спесивой, тщеславной до невероятия. Только у Андровской она более вздорная, а у Еремеевой — более властная.

А до чего же непроходимо глупа и примитивна хорошенькая провинциальная дурочка Марья Антоновна А. Кедровой во МХАТе и Л. Пироговой в Малом!

Затем идут уездные монстры один другого хлестче: трясущийся, дрожащий от страха, весь словно молью траченный смотритель училищ Хлопов, во МХАТе Б. Петкер, в Малом В. Владиславский; звероподобный, одичалый уездный «вольнодумец» Ляпкин-Тяпкин, судья, во МХАТе Л. Золотухин, в Малом Е. Буренков; самый продувной из них, плут, льстец и хитрюга Земляника, попечитель богоугодных заведений, во МХАТе это А. Грибов, а в Малом — В. Хохряков; идиотически простодушный и вместе с тем фанфаронистый почтмейстер Шпекин, во МХАТе Ю. Леонидов, в Малом Б. Бабочкин, наконец, толстенькие, семенящие, захлебывающиеся от сплетен и уморительно перебивающие друг друга Бобчинский и Добчинский. Во МХАТе их играют В. Топорков и А. Комиссаров, в Малом — А. Литвинов и Н. Светловидов.

Хорош Хлестаков: действительно без царя в голове; во МХАТе это В. Невинный, а в Малом — Ю. Соломин. Изумительно проводят оба сцену вранья. Первый прямо упивается собой от восторга, а второй врет самозабвенно и страстно, все больше вдохновляясь собственной ложью.

А как великолепно презирает своего елистратишку-барина Осип — И. Любезнов в Малом и Осип — С. Блинников во МХАТе!

Как всегда в этих театрах, с подлинным блеском и колоритнейшей насыщенностью поданы эпизодические, даже безмолвные фигуры. Всех не назовешь, но чего стоит одна несравненная А. Зуева, играющая во МХАТе бравую слесаршу Пошлепкину!

Финальные немые сцены, о которых столько беспокойства проявлял сам автор «Ревизора», выполнены с полным вниманием к настойчивым указаниям Гоголя.

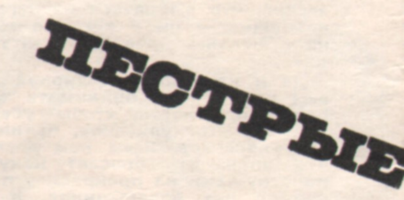
Словом, и Художественный и Малый театры показали настоящего Гоголя и одержали значительную, радостную и весьма симптоматичную победу в сценическом воплощении классической драматургии.

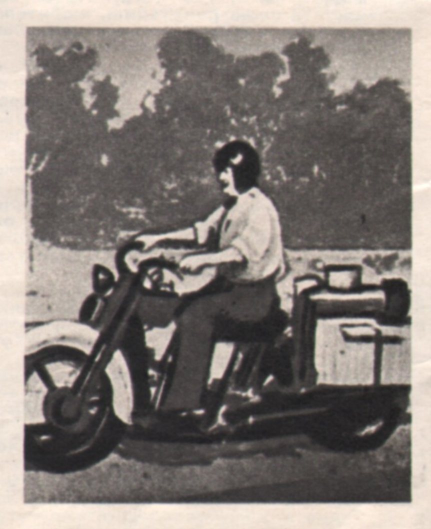
Думается, что в репертуар нынешнего, юбилейного сезона наряду с постановками пьес историко-революционных и отражающих во всей полноте современную тематику, уместно и плодотворно вписываются подобные постановки русской классики. Ведь это тоже неотъемлемая составная часть накопленного за 50 лет богатства советской театральной культуры.

ЧЕМПИОНЫ-ЙОГИ

Шестнадцать из двадцати четырех медалей завоевали французские спортсмены на мировом чемпионате по горнолыжному спорту в Чили. По заявлению руководителя делегации, своей победой они обязаны особой системе тренировок, включающей сложнейшие физические упражнения по системе йогов. На снимке: французские горнолыжники во время тренировки.

ПАРОВОЙ МОТОЦИКЛ

Механик из Калифорнии Уошборн сконструировал паровой мотоцикл, приводимый в движение паром. Машина весит 420 килограммов и обладает большой мощностью. Для нагрева воды применяется бутан с пропаном.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ • ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

АМФИБИЯ НА ЦИЛИНДРАХ

Американская фирма «Крайслер» проводит испытания автомобиля, способного передвигаться по суше, болотистой местности и воде. Вместо колес у машины установлены вращающиеся цилиндры.

БОГАТЫЙ УЛОВ

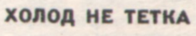
Итальянские рыбаки выловили в Мексиканском заливе морскую черепаху весом в несколько сот килограммов.

ИНТЕРВЬЮ ПРОШЛО БЛАГОПОЛУЧНО

Польского репортера Болеслава Миедза коллеги считают самым отважным человеком. Он вошел в вольер с хищниками, где записал голоса своих новых друзей — львов и сфотографировал их.

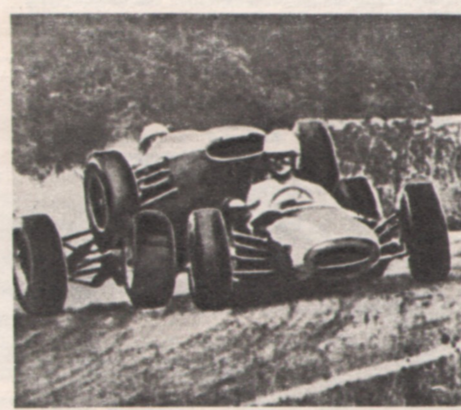

ХОЛОД НЕ ТЕТКА

Обитатели площадки молодняка Лондонского зоопарка Тима и Тини настолько замерзли, что обогреваются резиновой грелкой.

ШЕСТИКОЛЕСНЫЙ ЭКИПАЖ

Во время автогонки в Швеции одна машина взгромоздилась передними колесами на другую. В таком виде соперники проехали несколько сот метров.

СТРАНИЦЫ • ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ ШАХМАТЫ

На различных выставках во многих городах Европы побывали эти шахматы, сделанные ленинградцем А. Ивановым.

Фарфоровые фигуры, напоминающие разнаряженных дам, бояр, военных петровских времен, стоят на доске, клетки которой расписаны знаками древних мореходных карт, видами парусных судов и памятников старины.

НАХОДКА В ПОДВАЛЕ

В Риме, в подвале одной из церквей, под слоем пыли найдена скульптура, принадлежащая резцу знаменитого итальянского ваятеля Лоренцо Бернини (1598—1680).

С открытыми картами

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки Игоря УШАКОВА.

20. КРАТКИЙ ОБЩИЙ ОТЧЕТ

ВЛАДИМИР БОРКОВ — ПОЛКОВНИКУ МАРКОВУ

«Полагая, что история знакомства Риммы с Юлей Вам известна, опускаю этот момент и перехожу к фактам, касающимся меня непосредственно.

Как и предполагалось, Николай Николаевич Казин не отказался снабдить меня долларами. Насколько удалось заметить, он не испытывал при этом никаких колебаний и подозрений на мой счет. Здесь сыграло большую роль то обстоятельство, что К. давно знает Юлию и, безусловно, верит ее рекомендации.

В Брюсселе не все сложилось так, как предполагалось. Несмотря на кратковременность моей командировки, первые дни никто мной не интересовался. Стало очевидным, что наш расчет на то, что Кока обязательно должен доложить Антиквару о взятых мною у него долларах, а последний, в свою очередь, поставит об этом в известность разведцентр и таким образом я окажусь в их поле зрения, не оправдался. Вынужден был перейти на запасной вариант и действовать в зависимости от складывающейся обстановки.

Метрдотеля по имени Филипп я нашел в первое же посещение ночного ресторана. Описание его внешности, полученное мною из показаний Надежды в Москве, оказалось очень точным.

Обратить на себя его внимание не составило труда. Как распорядитель он по обязанности принимает каждого посетителя лично, и я не составил исключения. То, что я советский гражданин, удалось показать довольно мягко, с помощью жеста (с первых шагов я выдал себя за француза).

Мне не пришлось навязываться Филиппу, я только облегчил ему подход.

Филипп действовал быстро и решительно, но появление его подручной Жозефины было обставлено аккуратно и не могло бы насторожить человека непредвзятого.

Во всем, что последовало дальше, обе стороны шли друг другу навстречу. Ничего оригинального не случилось.

Думаю, что номер гостиницы, куда привела меня Жозефина (все адреса и названия различных заведений даю в приложении), специально оборудован для приемов, подобных оказанному мне.

Только после выпитого у нее бокала вина я почувствовал действие снотворного. Очевидно, доза была ударной. Но я все же сумел уйти из ее номера. С трудом добрался до своей гостиницы. Остальное помнится, как во сне. Утром я обнаружил в своей постели Жозефину. Вскоре пришли полицейские. Назревал скандал. Однако в роли спасителя появился Филипп. И все уладилось. Я не заметил, как и когда меня фотографировали, а между тем качество фотографий, которые мне пришлось видеть у К., и планы кадров говорят об отличных, удобных условиях съемки.

После визита Жозефины у меня исчезли служебное удостоверение, карточка, на которой я был снят с матерью, и пропуск в институтскую поликлинику.

Как и ожидал, все эти документы с соблюдением конспирации мне вернул Филипп (они были изъяты у Жозефины). Попыток к вербовке меня Филипп не предпринимал, несмотря на благоприятную для этого обстановку. Очевидно, было решено последний ход оставить для Москвы.

При первой встрече с К. по возвращении из Брюсселя (она происходила в доме Риммы) я склонен был предполагать, что он уже получил задание начать мою обработку. Такое заключение напрашивалось потому, что некоторые вопросы К., заданные мне в разговоре, звучали двусмысленно, как будто ему уже было коечто известно. Но это оказалось ошибочным впечатлением.

И, наоборот, когда К. предложил мне принять участие в фабрикации фальшивых золотых монет, я думал, что он уже не будет выступать в качестве представителя разведки. Было бы слишком опрометчивым для человека, занимающегося шпионажем, оказаться замешанным в уголовном преступлении.

Это чистосердечное заблуждение очень помогло мне естественно провести эпизод, во время которого К. услышал от меня отказ сотрудничать с ним как агентом разведки. (Подробности моих бесед с К. и А. опускаю, поскольку беседы записаны на магнитофонную ленту. Я прослушивал ее — запись хорошая.)

Уславливаясь затем о свидании моем с А., К. несколько раз повторил настоятельную просьбу, чтобы я не сообщал А. о долларах. Это убеждало, что в глазах К. я оставался пока вне подозрений. В противном случае он не осмелился бы скрывать от А. факт нашего знакомства до моей поездки в Брюссель.

Так как в мою задачу входило возбудить у А. сомнения, я при свидании сказал о своих связях с К. на валютной почве. А. трудно переварил эту новость. Плохо владел собой. Его отношение ко мне сразу изменилось.

Однако при повторной встрече я не мог заметить недоверия.

Полученный от вас обзор я переписал в блокнот, врученный мне А. Затем поступил точно, как велел А.,— купил чемодан, заполнил его кое-какими вещами и положил туда блокнот. Чемодан отвез и сдал в автоматическую камеру хранения на Казанском вокзале и по телефону сообщил К. шифр камеры.

Больше ни К., ни А. я не видел. С их стороны попыток слежки за мной не наблюдал. Это же подтверждает и наша оперативная служба.

Деньги в советских знаках, полученные от К. и А., прилагаю.

Лейтенант В. Кустов (Борков).

14 июля 1964 года».

Кустов, сидевший молча напротив полковника, видел, что Владимир Гаврилович в прекрасном настроении. Заметив, что отчет дочитан до точки, Кустов сказал:

— Простите, Владимир Гаврилович, не упомянул одну деталь.

— Что именно?

— Я в чемодан, кроме всего прочего, валерьяновых капель положил, два пузырька.

— Это зачем еще? — удивился полковник.

— Полагаю, ему пригодится.

Полковник нахмурился, но Кустов понимал, что это не всерьез.

— Ты, я вижу, вроде Павла Синицына,— сказал Владимир Гаврилович ворчливо.— Фантазеры...

— Виноват, товарищ полковник.

— Не лень было в аптеку ходить?

— Так ведь по дороге...

— Ладно. Кончилась твоя миссия в этом деле.— Полковник встал, протянул Кустову руку.— Спасибо, Володя. За исключением отдельных шероховатостей все было отлично, хотя это и первый твой блин.

— Служу Советскому Союзу, товарищ полковник,— серьезно произнес Кустов.

— Вопросы и просьбы есть?

— Да. Владимир Гаврилович, прошу отметить Римму, извините — Риту Терехову... Она заслуживает этого.

— Согласен...

Кустов покинул кабинет.

Владимир Гаврилович положил руку на трубку внутреннего телефона, но раздумал звонить, полистал лежавшее перед ним дело и сказал тихо:

— Ну что ж, теперь пора открывать карты.

И вот что произошло в воскресенье девятого августа...

21. ВСЕМУ ПРИХОДИТ КОНЕЦ

Антиквар с некоторых пор начал ощущать за собой упорную слежку. Он был опытный разведчик, да к тому же следившие не особенно щепетильничали, это входило в их планы, так что заметить слежку не составляло труда. А после того, как стало очевидным, что Борков — агент советской контрразведки, слежка имела достаточные объяснения, и Антиквар находил ее в порядке вещей.

Сидя за рулем, он посматривал поочередно в зеркальца — над ветровым стеклом и сбоку. Миновав центральную часть города, повернул к Серпуховке, чтобы через Каширское шоссе выскочить на кольцевую автостраду. Там он надеялся быстро покончить со слежкой. Мотор его машины легко давал сто восемьдесят километров в час, а скорость на автостраде не ограничивается.

Как только миновал Добрынинскую площадь, на колесо ему села светло-бежевая «Волга», которую он мельком отметил в столпотворении автомобилей еще при въезде на Каменный мост. В зеркало хорошо было видно, что в машине, кроме шофера, на заднем диване сидят двое. Антиквар попробовал оторваться от бежевой после очередного светофора, рассчитав так, чтобы пересечь линию в момент, когда зеленый свет сменится желтым. У него получилось все очень удачно, но «Волга» не отстала, проехав на желтый свет, хотя могла и должна была затормозить, потому что была в момент переключения света метрах в семи от пешеходной дорожки.

Антиквару стало совершенно ясно, что это хвост, и злой спортивный азарт овладел им.

Достигнув лепестковой развязки, которой соединялись шоссе и кольцевая автострада, он взглянул в зеркальце, убедился, что «Волга» тут как тут, и по отлогому широкому подъему рывком въехал на автостраду. Сразу сбавил газ, потому что «Волга» отстала,— ему хотелось поиграть с нею, он был уверен в своем моторе и знал, что уйдет от преследования, когда пожелает.

«Волга» настигла его и уже собиралась обогнать, не боясь того, что он развернется и уйдет обратно, так как движение на кольце одностороннее, встречная полоса отделена широким газоном. Антиквар дал «Волге» поравняться с собой и вдавил акселератор до упора. Машина у него была очень приемистая, с места за несколько секунд развивала едва ли не сто километров, и «Волга» моментально осталась далеко позади, словно колеса у нее вертелись вхолостую.

Антиквар больше не смотрел на преследователей, он знал, что его не достанут.

Он съехал с кольца на Ярославское шоссе и через пятнадцать минут был у Колхозной площади. Немного не доезжая до нее, свернул вправо, выбрал тихий переулок, поставил машину, запер дверцы и пешком пошел на площадь. Здесь взял такси и велел шоферу ехать не торопясь на Новодевичье кладбище. Было пять минут второго.

Ровно в половине второго Антиквар прошел через ворота кладбища и ступил на его тихую, но вовсе не печальную территорию, как бы отряхнув с себя в облегчении шум, гарь и всеобщую суету огромного города.

Народу на аллеях было много, пожалуй, больше, чем в этот час насчитаешь на Малой Бронной или на улице Воровского, но, странное дело, это не мешало каждому посетителю кладбища ощущать умиротворяющее одиночество.

День стоял солнечный, но не жаркий. Ветер был северный, и, видно, там, откуда он дул, прошли дожди.

Антиквар за время пребывания в столице не раз посещал Новодевичье и хорошо разбирался, если можно так выразиться, в его географии и административном делении. Он гулял по аллеям с видом завсегдатая, медленной походкой, заложив руки за спину, глядя одинаково рассеянно на лица живых встречавшихся ему людей и на пышные надгробия мертвых.

Он был одет в серый легкий костюм и белую рубашку апаш. В петлице лацкана синел маленький треугольный значок, через плечо висела лейка в черном чехле.

Без пяти два Антиквар остановился перед могилой с очень красивым памятником, перевесил фотоаппарат на шею, вынул его из чехла и снял заднюю крышку. Ему необходимо было показать, будто с аппаратом что-то не ладится.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—10.

Мимо проходили люди, тихо, стараясь не шаркать и говорить шепотом. Антиквар не обращал ни на кого внимания, словно и вправду целиком сосредоточился на неполадке в аппарате.

На его часах было две минуты третьего, когда рядом остановился Акулов.

— Кассета у ваших ног,— тихо сказал Акулов и отошел в сторону.

Антиквар посмотрел под ноги — действительно, на чистом песке лежала кассета с торчащим кончиком пленки. Ее за секунду до этого бросил Акулов.

Антиквар нагнулся, чтобы взять кассету, но в тот же миг чья-то нога в черном башмаке на толстой подошве накрыла ее, едва не прищемив Антиквару пальцы.

Он, вздрогнув, поднял голову.

Перед Антикваром и Акуловым стояли четверо молодых — лет по тридцати — мужчин в летних светлых костюмах. Тот, кто наступил на кассету, уже держал ее в руке.

— Что за хулиганство! — возмутился Антиквар.— Средь бела дня...

Другой из четверки, вероятно, старший, вынул бордовую книжечку, предъявил ее Антиквару.

— Подполковник Шатов. Мы из Комитета госбезопасности. Вам и ему,— подполковник кивнул на Акулова,— придется пойти с нами.

— В чем дело? — спокойно спросил Антиквар.

— Вам придется последовать за нами,— повторил Шатов.

Антиквар торопливо полез в карман, но Шатов уже на него не смотрел, отдавал распоряжения, как их везти.

Тут вставил слово Акулов:

— Ну что вы, ребята! Я-то тут при чем?

— Ладно,— бросил ему уже менее вежливо человек с кассетой.— Вы и ваш знакомый поедете с нами.

— Да ты что! Я его первый раз вижу!

— Вы подбросили пленку, а он собирался ее взять...

— Это моя кассета,— вступился Антиквар.— Она чистая, можете убедиться. Я протестую.

— Хорошо, разберемся. А сейчас прошу следовать за нами.

Их группа уже обратила на себя внимание гуляющих по кладбищу, люди начинали останавливаться поодаль.

— Я подчиняюсь силе,— сказал Антиквар и первым зашагал по дорожке, на ходу пряча лейку в чехол.

За воротами сели в две машины — одна из них была той самой светло-бежевой «Волгой», которая преследовала Антиквара, пока не потеряла его на кольце.

Они остановились возле одного из ближних отделений милиции. Трое провели Антиквара и Акулова прямо в кабинет начальника отделения. Четвертый уехал куда-то на машине.

Подполковник Шатов предложил Акулову сесть на диван, а Антиквара пригласил к столу. Наконец Антиквару удалось предъявить свои документы — карточку дипломата.

— Я требую немедленно связать меня с посольством,— заявил Антиквар.

— Наши желания совпадают. Сейчас мы вызовем представителя Министерства иностранных дел, и он займется этим,— ответил подполковник.

Антиквар глядел хмуро и всем своим видом давал понять, что ситуация представляется ему идиотской. Акулов впал в прострацию.

Через несколько минут в кабинет вошел четвертый член группы, пропустив впереди себя пожилого человека в синем халате, у которого в руках были два пластмассовых бачка для проявления фотопленки, а под мышкой — черный мешок. В широкий карман халата был засунут третий бачок.

Шатов уступил место за столом. Человек в синем халате разложил свое хозяйство, затем поместил бачки в мешок. Мешок этот служил как бы переносной темной комнатой для обработки пленки.

Фотолаборант устроился поудобнее, взял кассету, отобранную у Антиквара, и засунул в мешок обе руки. Пошуршав там недолго, он вынул кассету, уже пустую, передал ее Шатову.

Это была обыкновенная эбонитовая кассета фирмы «Agfa» с цветной яркой наклейкой.

Шатов достал из кармана перочинный нож с набором самых разнообразных лезвий, пододвинул стул к окну и расположился на подоконнике. Оглядев внимательно кассету, отклеил этикетку — под нею ничего не оказалось. Затем снял крышку, долго ее рассматривал. Крышка, казалось, возбудила в нем какие-то подозрения, но он пока отложил ее в сторону и с помощью ножа разломил корпус кассеты на две части. Исследовав их, снова взял крышку.

Фотолаборант за это время успел проявить пленку. Он встал, взял пустой бачок и отправился за водой. Принес воду, поместил бачок в мешок, ополоснул проявленную пленку, переложил ее в бачок с закрепителем и вынул его на свет божий.

В кабинете царило напряженное молчание. Оно казалось противоестественным в этом небольшом, с обычную жилую комнату помещении, собравшем восемь человек. Фотолаборант медленно поворачивал закрепляющуюся пленку за конец оси, выступающий над бачком, Шатов скреб ножом о крышечку кассеты, и эти звуки резали Антиквару слух. Акулов сидел, безучастный ко всему происходящему.

Наконец фотолаборант кончил дело. Ополоснув пленку, посмотрел ее на свет и лаконично известил:

— Пустая.

Шатов прервал свое занятие, обернулся к фотолаборанту.

— Благодарю вас. Просушите и дайте мне.

Фотолаборант отнес куда-то бачки, вылил их содержимое, а затем собрал все в мешок и оставил кабинет. Шатов продолжал исследовать крышечку, действуя на нервы Антиквару скрипом и скрежетом.

— Ну вот, полный порядок,— неожиданно сказал он, и Антиквар вздрогнул.

Шатов перешел к столу, взял из подставки листок бумаги и стряхнул на него крошечную полоску фотопленки — длиной в полсантиметра, шириной не более двух миллиметров.

— Микрофотография, — с удовлетворением констатировал Шатов и пригласил Антиквара: — Прошу убедиться.

Но тот лишь метнул быстрый, острый взгляд исподлобья поверх очков и не пошевелился.

— Что вы можете заявить по этому поводу? — спросил Шатов.

Антиквар молчал...

Вскоре прибыл сотрудник Министерства иностранных дел и, выслушав сообщение подполковника Шатова, посмотрел дипломатическую карточку Антиквара. Затем снял трубку и неторопливо стал набирать номер на диске телефона.

— Это консульский отдел посольства? С вами говорит сотрудник Министерства иностранных дел. В вашем посольстве есть атташе...— Он назвал фамилию.— Так. Необходимо, чтобы представитель посольства приехал в отделение милиции...— Последовал номер отделения и адрес.— Да, прямо сейчас. Пожалуйста, мы ждем.

— Я требую отпустить меня. Вы не имеете права...— сказал Антиквар.

— Вот сейчас приедет представитель вашего посольства, ознакомится со всем происшедшим, и тогда мы решим, как с вами быть. А пока составим протокол. Сейчас мы еще не знаем, что содержит эта пленочка, однако факт есть факт — вы хотели ее получить от этого гражданина. Вот это мы и зафиксируем.

Писание протокола заняло минут пятнадцать. Когда он был готов, представитель МИДа предложил Антиквару прочесть и подписать его. Антиквар бегло просмотрел написанное и категорически заявил:

— Я не распишусь на этом.

— Почему? Что-нибудь неверно?

— Да. Никто не подбрасывал кассету. Она принадлежит мне. А этого человека я вижу впервые.

Вопрос к Акулову:

— Вы будете подписывать?

— Что вы, гражданин начальник! — встрепенулся тот.— Я себе не враг!

— Вам это не поможет. Обоим,— вставил Шатов. Он не был раздражен, говорил спокойно.— Ладно, подпишем мы вместе с представителем Министерства иностранных дел.

— Я могу быть свободен? — спросил Антиквар.

— Надо дождаться консула.

— Не ломайте комедию!

— Это не комедия.

Тут в дверь постучали, и появился высокий мужчина лет тридцати пяти в великолепно сидящем темном костюме.

— Что случилось? Почему вы задержали дипломата? — спросил консул.

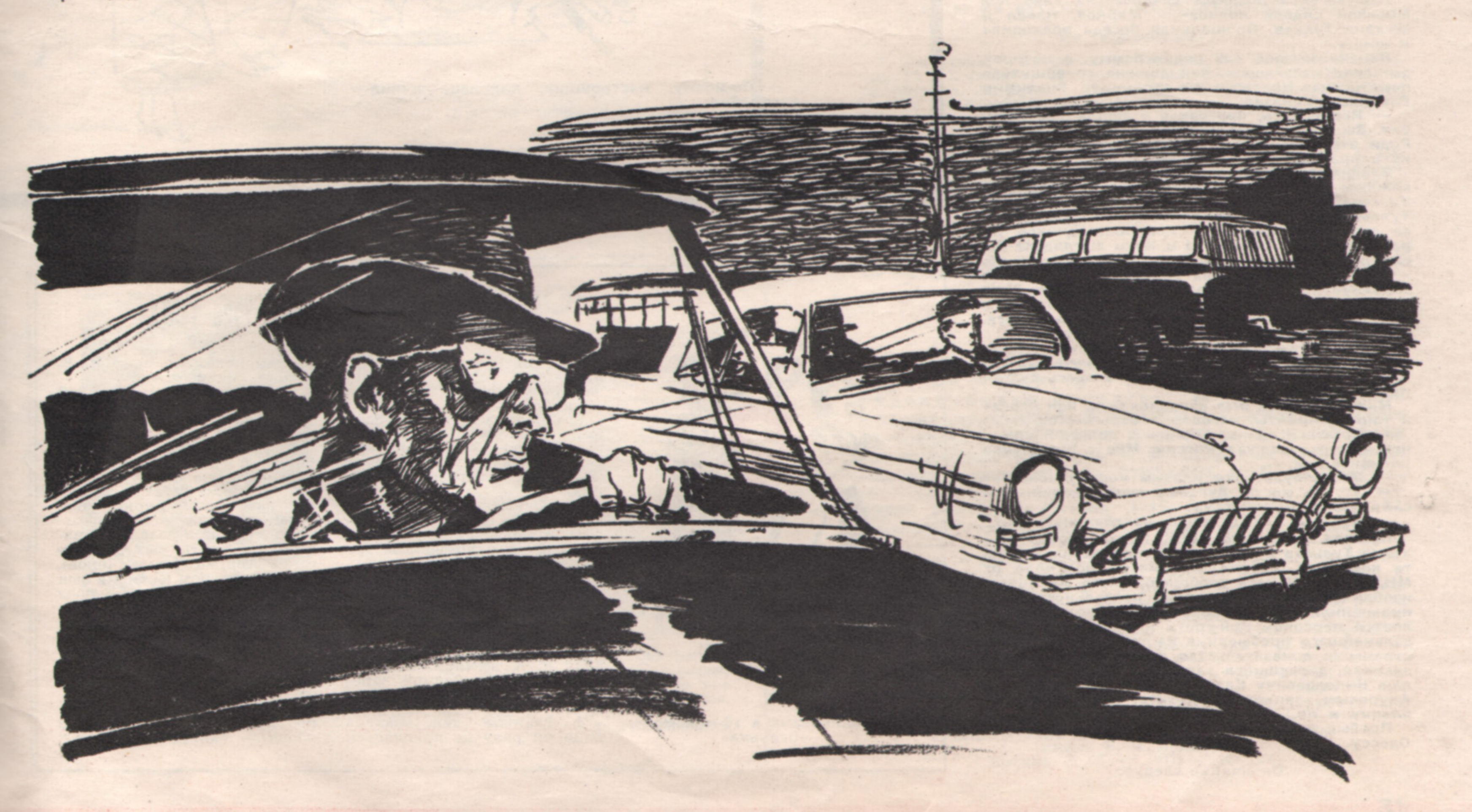
— Этот дипломат злоупотребляет своим положением. Он был задержан в момент приема секретных материалов от гражданина Акулова,— объяснил сотрудник МИДа.

— Ложь! Этого гражданина я вижу впервые. Я протестую! Это неслыханно! — вскочив со своего места, резко заговорил Антиквар.

— Чем вы можете подтвердить свои обвинения? — спросил консул.

— О, многим! — вмешался в разговор подполковник Шатов.— В качестве первого доказательства мы можем прокрутить кинопленку, на которой вы увидите встречи вашего дипломата с арестованным нами гражданином Казиным, которого он привлек к шпионской работе. Несколько позже мы сможем показать вам и встречу на Новодевичьем кладбище. Товарищ Воркин, прошу организовать показ фильма.

— Не надо,— бросил сквозь зубы Антиквар.

— Мы можем идти? — спросил консул.
— Теперь — да,— последовал ответ.

Всю дорогу до своего посольства Антиквар никак не мог прийти в чувство от оглушительного удара, который был нанесен так неожиданно. Его жгла досада на самого себя, на центр, на всю эту затею с Борковым и с передачей пленки. В одно мгновение все полетело к чертям. Оказалось, что советской контрразведке вовсе не интересно держать его нетревоженным во имя засылки дезинформации. Гроша ломаного не стоят хитроумные расчеты центра.

Оставалось проверить, действительно ли Кока арестован и что с Борковым.

...Трубку на том конце сняли сразу.

— Алло, вас слушают,— сказал нежный женский голос.

Не произнеся ни слова, женщина, звонившая из автомата, нажала на рычаг, но тут же подумала, что могла соединиться неправильно, и снова опустила монету в щелку, набрала аккуратно номер. Ей было известно, что по этому телефону никто, кроме мужчины, отвечать не может.

На сей раз ответил мужской голос. Женщина спросила:

— Это Николай Николаевич?
— Нет.
— Можно его к телефону?
— Его нет.
— Он что, вышел?
— Да.
— Надолго?
— Не знаю. А кто его спрашивает?
— Знакомая. Когда он будет?
— Неизвестно. Как вас зовут? Что ему передать? — допытывался сочный баритон.
— Ничего. Я еще позвоню.
— Ну звоните, звоните...

По телефону Боркова ответили, что Борков внезапно уехал в длительную командировку.

Когда служащие посольства, из числа иностранцев, по просьбе Антиквара звонившие Коке и Боркову — в первом случае горничная, а во втором повар,— рассказали о своих переговорах, Антиквару стало совсем плохо. Чтобы проверить, насколько глубоко копнули контрразведчики тайную жизнь Николая Николаевича Казина, оставалось узнать, целы ли его сообщники-фальшивомонетчики. Адрес Пушкарева Кока с неохотой, но все же дал Антиквару в свое время.

Полуподвальная квартира в переулке рядом с улицей Обуха оказалась опечатанной.

В тот же день Антиквар составил для передачи в центр обстоятельное донесение обо всем случившемся...

Десятое августа оказалось днем оживленных радиопереговоров. Центр прислал следующую шифровку: «Надежде. Операция провалена. Обусловьте с Бекасом связь, предложите ему выехать в другой город, желательно в Сибирь. Сами немедленно уходите на юг, в Николаев или Одессу. Сохраните дубликат пленки. Слушаем вас непрерывно».

Ответ гласил: «Кажется, обнаружил слежку. Выезжаю в Одессу. Жду указаний».

И наконец приказ центра: «Будьте готовы к переправе. Слушайте нас двадцатого августа и затем каждый следующий день в течение недели в 23 часа 10 минут. В эфир больше не выходите. Радиопередатчик спрячьте».

...20 августа поздним вечером на даче под Москвой сидели полковник Марков, Павел и Михаил Тульев. Прощальная беседа подходила к концу.

Перечитав еще раз радиограмму, в которой детально излагалось, как должна совершиться переброска Надежды за границу, Владимир Гаврилович сказал:

— Испугались, что связь с Кокой вас погубит. Вы опять обретаете ценность в их глазах Ради этого мы кое-что делали, и хорошо, что не напрасно.

Владимир Гаврилович не упомянул, каким важным звеном в цепочке была роль Боркова-Кустова, о существовании которого Михаилу Тульеву знать было не обязательно. Но без этого звена вся операция контрразведчиков по разоблачению Антиквара и Коки выглядела бы для разведцентра непонятно и подозрительно.

...За окном сверкнула зарница, потом тихо ворохнулся дальний гром, а может быть, это поезд прогрохотал по мосту — километрах в полутора от дачи проходила железная дорога. Полковник заговорил, обращаясь к Тульеву:

— Если чувствуете хоть малейшую неуверенность, еще не поздно все повернуть, можно найти приличную отговорку. Вы и здесь будете полезны.

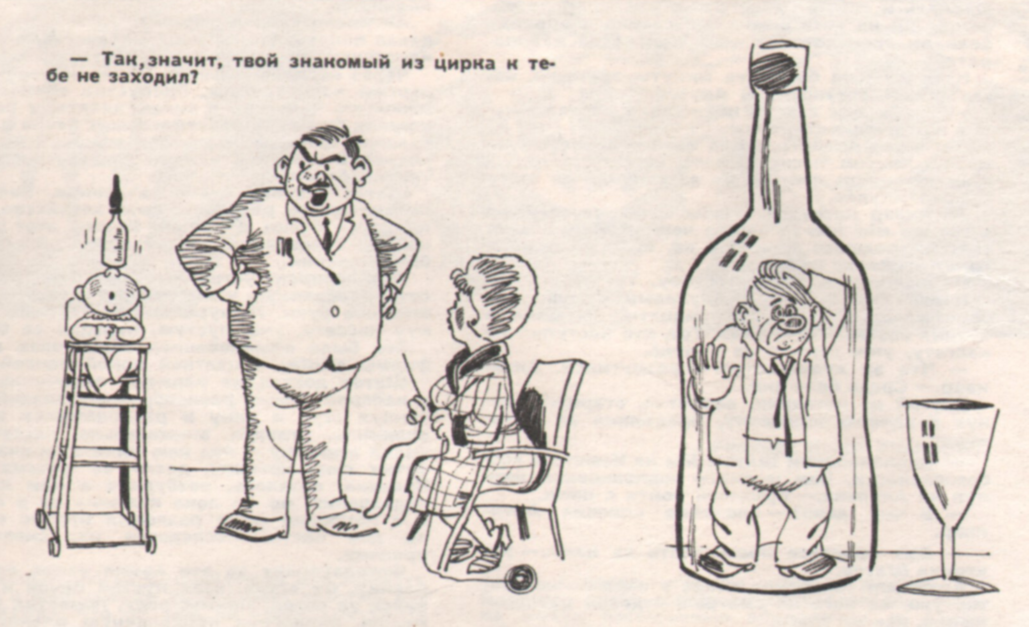
Михаил Тульев был взволнован и, как всегда в такие моменты, заговорил отрывисто:

— Остаться сейчас — жить в долгу. Я слишком много задолжал России. Мне с ними надо расквитаться.
— Месть будет вам плохим попутчиком.
— Это не месть. Деловые соображения. Они сами учили меня этому.
— В таком случае прочь колебания...

Прошло несколько дней. Поезд увозил Михаила Тульева в Киев, когда посольство, в штате которого состоял Антиквар, получило от МИДа ноту. В ноте сообщалось, что Антиквар, изобличенный в шпионской деятельности, направленной против Советского Союза, объявляется персоной нон-грата и лишается права дальнейшего пребывания на территории нашей страны (в доказательство приводились факты: задания, дававшиеся завербованному им Николаю Николаевичу Казину, контакт с Кондратом Акуловым, попытка получить от него микропленку и пр.).

Пробыв недолго в Киеве, Тульев выехал в Одессу.

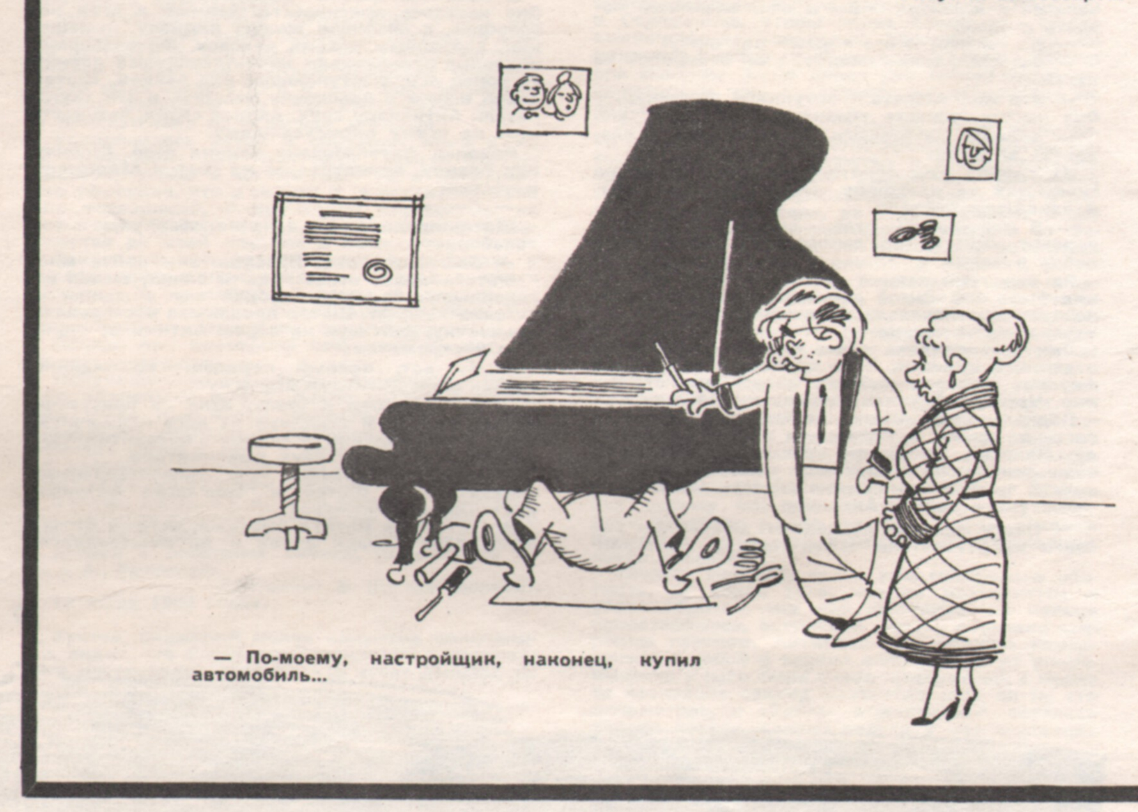
Окончание следует.

— Так, значит, твой знакомый из цирка к тебе не заходил?

— Эх! Не надо было мне вчера спьяну с фокусником ссориться.

Рисунки Б. Боссарта.

— По-моему, настройщик, наконец, купил автомобиль...

ОТВЕТЫ НА «ВИКТОРИНУ 1928 ГОДА»

Опубликована в 10-м номере «Огонька»

Проверьте свою память, правильно ли вы ответили на вторую серию вопросов «Викторины 1928 года».

1. Французской королевой была дочь Ярослава Мудрого — Анна Ярославна. Ее еще называют Анной Русской. Она была женой Генриха I.

2. Знамена Парижской коммуны в 1928 году хранились в Мавзолее В. И. Ленина. Сейчас одно из них находится в Центральном музее имени В. И. Ленина, другое — в музее Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

3. Вопрос о члене Моссовета, одетом в римскую тогу,— шутливый. Имеется в виду К. А. Тимирязев, который в таком одеянии запечатлен на памятнике в Москве.

4. Главное действующее лицо ни разу не появляется в знаменитой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

5. Идиотами в Древней Греции называли людей, которые не интересовались политической жизнью страны.

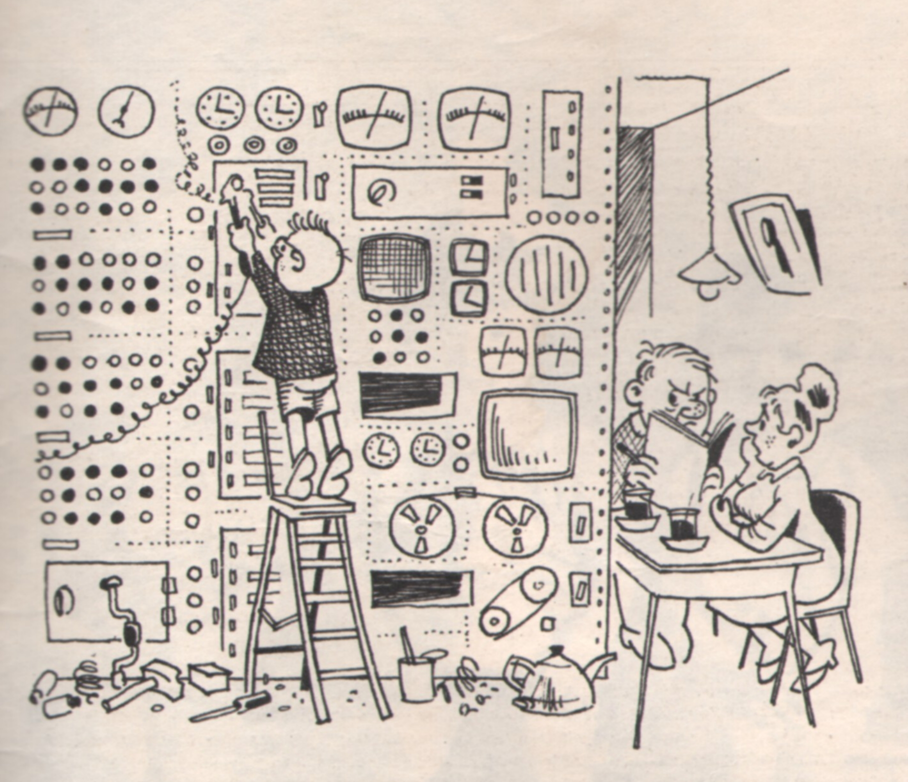
6. Ра — древнейшее имя Волги. А где она протекает, надеемся, все знают.

7. Этот монумент — широко известная Царь-пушка, установленная в Московском Кремле. Сделал ее знаменитый «литейных дел мастер» Андрей Чехов (Чёхов).

8. Министром юстиции был известный русский поэт Г. Р. Державин.

9. Семнадцатым ребенком в семье был великий русский ученый Д. И. Менделеев.

10. Множественное число от слова «дно» — «донья». Не путайте с «днища», которое происходит от другого слова — «днище».

Все началось так безобидно — с транзисторного приемника.

Тренировка укротителя удавов.

— Ну теперь не сорвется!

Рисунок Е. Шабельника.

ВСЕ ПЕРВОЕ

На первой обложке — Алла Мзокова. Она еще не вышла из того счастливого возраста, когда ко всем ее делам прибавляется цифра «один». Первый курс института, первый семестр, первые экзамены.

В прошлом году Алла окончила с медалью школу и стала студенткой Государственного педагогического института имени К. Хетагурова в городе Орджоникидзе.

— Сколько было в Осетии студентов полвека назад?— спросил я в институте.

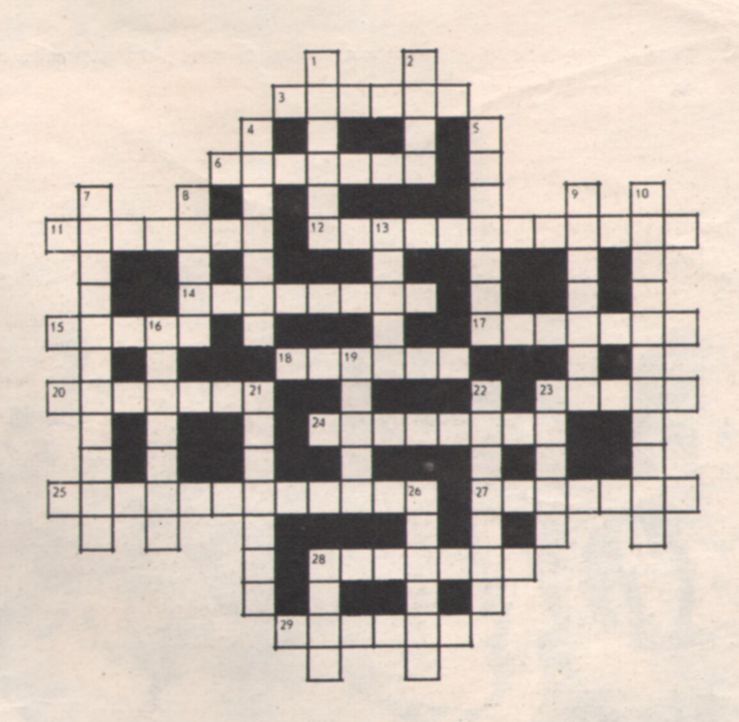
— О, это весьма легко подсчитать,— ответили мне.— Ни одного. По той простой причине, что не было в Осетии ни одного вуза.

— А сколько студентов сейчас?

— Это трудный вопрос. Тысячи. Только в нашем педагогическом свыше двух тысяч. Из них 65 процентов девушек. 45 процентов осетинок.

Алла Мзокова одна из тысяч. Ей восемнадцать лет. Праздник совершеннолетия. Впереди годы учебы, труда. И пока все первое. Первый курс. Первые зачеты. Первые выборы.

В. ТИХОМИРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Отрезок прямой, имеющий определенное направление. 6. Пьеса М. Горького. 11. Город в Дагестанской АССР. 12. Фольклорный жанр. 14. Государство в Европе. 15. Узкая дорожка. 17. Слесарный инструмент. 18. Столица Кубы. 20. Груз для остойчивости судна. 23. Морская полярная птица. 24. Каркас железобетонного сооружения. 25. Наука, изучающая биологическую природу человека. 27. Название первой печатной книги в России. 28. Русская народная сказка. 29. Химический элемент.

По вертикали:

1. Остров в Эгейском море. 2. Река в Бразилии. 4. Мягкие цветные карандаши. 5. Артист цирка. 7. Административно-территориальная единица во Франции. 8. Рассказ А. П. Чехова. 9. Оперетта Н. М. Стрельникова. 10. Регулятор количества рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 13. Лиственное дерево. 16. Дощечка для смешивания красок. 19. Героический крейсер. 21. Сорт яблок. 22. Русский хоровод. 23. Отрицательный полюс источника электрического тока. 26. Литовский поэт. 28. Хлебный напиток.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Марецкая. 8. Астрагал. 9. Рафаэль. 10. Реферат. 11. Клещи. 12. «Хорошо!». 16. Кришна. 17. Сентаво. 20. Вакцина. 23. Молома. 24. Крокет. 27. Измир. 28. «Морозко». 29. Антонов. 30. Молибден. 31. «Маскарад».

По вертикали:

1. Караугом. 2. Редактор. 3. «Ванька». 4. Истрия. 5. Палеолит. 6. «Накануне». 13. Основа. 14. Индекс. 15. Баффин. 16. Корсак. 18. Новгород. 19. Зоология. 21. «Кориолан». 22. Чернотал. 25. Диоген. 26. Ураган.

На последней странице обложки: Атака отбита.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

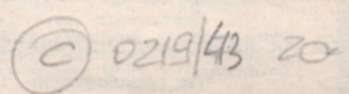
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление Е. КАЗАКОВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00348. Подписано к печати 7/III 1967 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 348. Заказ № 654.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Расселись, как на свадьбе,— ругается мама, когда папа с приятелями мешают ей помыть пол.

Шуточный фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Б. Кузьмина из детского сада № 94 города Калинина.

«В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ ДЕТИ ТОЛЬКО К ТОМУ И СТРЕМЯТСЯ, ЧТОБЫ ВОЗМОЖНО ТОЧНЕЕ СКОПИРОВАТЬ СТАРШИХ».
К. ЧУКОВСКИЙ «ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ».

...ГЛАГОЛЕТ ИСТИНА

— Отбрили по первому разряду,— комментировал папа футбольный матч.

— Чистый зоопарк!— так возмущается мама, когда приходит из магазина.

— А вот я тебе сейчас пропишу лекарство!— говорит папа, увидев в школьном дневнике двойку.

— Нам устроили головомойку,— так говорил папа, когда приходил с работы сердитый.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663